

ДМИТРИЙ ПРАВДИН
**ЗАПИСКИ ХИРУРГА
ВОЕННОГО
ГОСПИТАЛЯ**

Медицинский бестселлер (АСТ)

Дмитрий Правдин

**Записки хирурга
военного госпиталя**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Правдин Д. А.

Записки хирурга военного госпиталя / Д. А. Правдин — «АСТ»,
2018 — (Медицинский бестселлер (АСТ))

ISBN 978-5-17-109537-6

Талантливый молодой хирург получает заманчивое предложение о работе. Его приглашают стать заведующим хирургического отделения военного госпиталя. Престижная должность, высокий оклад и, казалось бы, тихое местечко. Не тут-то было! Герою книги предстоит познакомиться с не самой привлекательной изнанкой армейских будней.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-109537-6

© Правдин Д. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Журнал учета журналов	6
Строить будем?	23
Осмотр генерала	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Правдин

Записки военного хирурга

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Журнал учета журналов

Я, восхищаясь, замер у заиндевелого окна на шестом этаже ординаторской хирургического отделения многопрофильной больницы и тайно залюбовался мягким пушистым снегом, падавшим с просвинцованного петербургского неба, словно бы из гигантской перьевой подушки, распоротой на всю длину, когда равнодушный телефонный звонок оторвал от приятного созерцания. Мне нравилось наблюдать, как ослепительно-белые рыхлые хлопья непрерывным потоком неслись вниз и укрывали серый мегаполис пушистым мягким ковром, превращая его в потрясающей красоты сказочный град. Черные грязные просеки улиц, проложенные сквозь хмурые серые шумные кварталы спального района и засеянные однообразными тусклыми многоэтажками, на глазах превращались в фантастические замки, выкрашенные в свежий молочный цвет. Раздетые до наготы убежавшей вместе с ветрами осенью деревья и неказистые, лишенные листвы колючие кусты шиповника, высаженные по периметру больницы, за считанные минуты обрядились в пушистые шубы, скрыв свою неприглядную обнаженность.

Телефон не умолкал, надрывался, недовольно подрагивая в боковом кармане моего белого халата, требуя незамедлительно обратить на него внимание. Я со вздохом отвел взгляд от промерзшего окна и взял аппарат в правую руку.

– Добрый день, это Дмитрий Андреевич Правдин? – поинтересовался энергичный приветливый женский голос на том конце провода. – Поздравляю, вы прошли по конкурсу, – бодро продолжила собеседница, после того как я подтвердил свою личность. – Поэтому мы приглашаем вас на должность заведующего хирургическим отделением в военно-морской госпиталь.

– Ба! – удивился я. – Вспомнили, наконец. Я свое резюме еще в конце августа прошлого года направлял, как только прочел ваше объявление на сайте работ в интернете. А сейчас, простите, уже начало февраля.

– Извините, но мы тогда поспешили и приняли другого человека, а он нас, к огромному сожалению, не устроил, – уже с меньшим энтузиазмом вздохнула собеседница. – Вы были вторым в очереди на рассмотрение. А теперь, стало быть, первый.

– Нда-а-а, – многозначительно протянул я и крепко задумался.

– Дмитрий Андреевич, – испуганно поинтересовался голос, прервав затянувшуюся паузу, – так вы, значит, отказываетесь?

– Как вам сказать? В августе прошлого года я бы с превеликим удовольствием перешел к вам, а сейчас...

– Извините, – вежливо прервала меня девушка. – Вот вы же сейчас простым, рядовым хирургом работаете, а, судя по вашему резюме, вы долгое время возглавляли крупное хирургическое отделение на Дальнем Востоке. Неужели вам не хочется опять стать заведующим? Или в простых врачах вам комфортней?

– Разумеется, – замялся я, – быть заведующим хирургическим отделением, да еще в Питере, куда привлекательней должности рядового ординатора. Однако прошло почти полгода, и я вот так с ходу не готов вам дать положительный ответ.

– Ладно, – тускло согласилась трубка, – это ваше право. Только учтите, начальнику госпиталя очень ваше резюме понравилось, и он бы желал видеть вас у себя заведующим хирургическим отделением. Разумеется, после личной беседы с ним. Так что ему передать?

– А, – махнул я рукой, – передайте, что я готов с ним встретиться! В конце концов, за просмотр денег не берут, да и не каждый день предлагают стать заведующим отделением в славном городе Санкт-Петербурге.

Через два дня, чавкая подтаявшим ноздреватым снегом и с опаской переступая мутные с кусочками тонкого льда лужицы, я неспешно подошел к величественному старинному госпи-

талю, расположенному недалеко от устья Невы, что стоит почти в самом историческом центре города.

Еще издали я невольно залюбовался монолитными крепкими зданиями, составляющими единый ансамбль этого прославленного учреждения. В центре возвышается бывший княжеский трехэтажный особняк, постройки конца XVIII века, подаренный в прежние времена их владельцами морскому ведомству для устройства в нем «гошпиталя» для военных моряков. Третий этаж особняка был надстроен в 30-е годы прошлого века, но общего вида не портил, а наоборот, гармонично дополнял архитектурную красоту. В стороны от него простираются достроенные позже остальные лечебные корпуса. Их роскошные царственные фасады смотрят на одну из главных водных артерий Северной столицы. Закованная в серый с темными проплешинами лед река и переброшенный через нее известный во всем мире каменный мост с четырьмя башенками дополняют ощущения, что ты находишься в старом дореволюционном Петербурге.

И вот я уже преодолел казенно-строгие ворота КПП и с замирающим от нахлынувшего на меня восторга сердцем проследовал во внутренний двор. Увы, тут картина броско менялась. Покосившийся, на ладан дышащий забор из белого кирпича, невидимый глазу с центрального входа, обветшавший внутренний фасад с огромной трещиной в половину стены и облупленная во многих местах штукатурка произвели неприятное остужающее впечатление. Словно вылили на мою горячую голову ушат ледяной воды. Да-а-а, ремонт бы тут явно не помешал, и ремонт основательный. И причем, судя по расширяющейся кверху трещине, хорошо бы не откладывать в долгий ящик. Зато подведомственная территория, как и полагается настоящему объекту министерства обороны, сияла идеальной чистотой и радовала глаз безукоризненным порядком.

О славной истории госпиталя красноречиво свидетельствовал ухоженный памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны морякам-балтийцам, устроенный в глубине двора. У его подножия лежали кроваво-красные живые гвоздики.

Однако, войдя в штаб, где помещался кабинет начальника госпиталя, я вновь оказался разочарован. Такой махровой разрухи, господствующей внутри приличного и крепкого на вид здания, я уж никак не ожидал застать. На всех этажах властвовал откровенный разгром. Всюду стояли какие-то пустые старые шкафы, сломанные стулья, скрипящие диваны, укутанные в облезлый дерматин, кучки строительного, и не только, мусора, ободранный, много дней не мытый линолеум и замызганные стены, обшитые рассохшимися, давненько не крашенными досками. Складывалось впечатление, что его хозяев застигла врасплох война и они, спешно собрав лишь самое необходимое, быстро сбежали, побросав впопыхах остальное добро.

Огромное семиэтажное здание штаба госпиталя постройки середины 80-х годов выглядело не только брошенным, но и пустынным. Из всего имущества, доступного обзору, в хорошем состоянии оставалась только серая мраморная доска с выбитым Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении Госпиталя орденом Ленина за подвиги, совершенные его персоналом в суровые годы Великой Отечественной войны, прикрепленная на самом видном месте – на стене у центрального входа.

Побродив минут десять по покинутым людьми этажам, я начал сомневаться: а не ошибся ли часом адресом? Возможно, не туда попал? Тут, на мое счастье, довольно громко скрипнула в конце коридора второго этажа разохшаяся дверь, и в просвете мелькнула полная женская фигура. Милейшая тетенька доступно разъяснила мне, куда нужно следовать. Попутно она шепнула по секрету, что из-за отсутствия уборщиц большинство лестничных пролетов закрыто на замок, поэтому к начальнику можно попасть только на лифте. И лифт тут своеобразный: вместо необходимого мне пятого этажа надобно было нажать цифру «6», а когда поеду назад, то «2», так как первая кнопка приведет в подвал. И все команды надлежит дублировать засаженной кнопкой с лаконичной надписью «Пуск».

Начальник госпиталя, Марат Иванович Волобуев, оказался среднего роста суровым мужчиной лет сорока с бритой наголо головой и небольшими «белогвардейскими» черными усиками над плотно стиснутыми тонкими губами, в черной морской форме с золотистыми погонами подполковника. Улыбнувшись лишь уголками рта, подполковник гостеприимно усадил меня напротив себя на жесткий стул, сам же удобно развалился в мягком высоком кресле. Чаю не предложил.

Кабинет у него оказался под стать штабу весьма задрипанным и настойчиво требовавшим изрядного ремонта. Новой была только большая карта Санкт-Петербурга и его окрестностей, висевшая у начальника за спиной и раскрашенная на военный манер разными цветными стрелочками и кружочками. На столе у него валялись какие-то, видимо, весьма важные, бумаги и огромная кипа «Военно-медицинского журнала» за прошлый и этот годы.

– Не скрою, Дмитрий Андреевич, меня ваше резюме сильно впечатлило! – без предисловий, по-военному, перешел к делу подполковник. – Хотелось бы, чтоб вы вкратце рассказали о себе, а после я дам вам свой ответ.

– Ответ на что? – изумился я такому повороту событий.

– Подходите ли вы нам на должность заведующего хирургическим отделением или нет? – пришел черед удивляться Марату Ивановичу.

Я не стал спорить, доказывая, что желание работать в их госпитале у меня не так ярко выражено, особенно после того, что я увидел вокруг, а взял, да и в течение пяти минут выложил свою незатейливую биографию.

– Ну, что ж, – довольно крикнул начальник госпиталя, когда я завершил свое повествование, – я полагаю, что вы нам подходите. Можете прямо сейчас написать заявление о приеме на работу.

– А вы не хотите узнать мое мнение на этот счет?

– Ваше мнение? – Волобуев недовольно посмотрел на меня. – А для чего вы тогда сюда пришли? Разве не на работу устраиваться?

– На работу, – согласно кивнул я, – но никак не ожидал, что так вот сразу и нужно выходить.

– А что вас смущает?

– Многое! Во-первых, я еще окончательно не решил, пойду ли я к вам работать или нет. Все же с августа месяца прошлого года, когда я так рвался в ваши ряды, уже много воды утекло. Во-вторых, я еще не уволился с прежнего места работы. И, в-третьих, самое главное, вы не озвучили тот фронт работ, который, если я все же соглашусь, мне предстоит осваивать. Простите, по тому, что тут увидел, – я многозначительным взглядом обвел обшарпанные стены и затертый до дыр линолеум на полу, – у меня сложилось впечатление, что у вас тут не совсем все благополучно.

– Нда-а-а, – протяжно выдохнул начальник госпиталя, машинально погладив правой рукой бритый затылок, – вы правы, состояние дел у нас не на высоте. А в хирургии и вовсе полный завал. Вам, если вы, разумеется, согласитесь у нас работать, – Марат Иванович многозначительно посмотрел мне в глаза, – придется многое начинать с нуля.

– Что-то в подобном роде я и предполагал! – слегка улыбнулся я, давая понять собеседнику, что настроен на позитив. – Трудностей я не боюсь! Не впервой, знаете ли. А почему в таком прославленном учреждении и такой, как бы это помягче сказать... упадок? Или это военная тайна?

– А чего тут таить?! – Марат Иванович с силой махнул рукой, как бы отгоняя от себя невидимого врага. – Вы же помните, наверное, что был у нас такой министр обороны – Толя Табуреткин?

– ???

– Его так прозвали за то, что в свое время он начинал как директор мебельного магазина. А потом двинули его на повышение – всеми вооруженными силами страны командовать. Вот и докомандовался.

– А-а-а, что-то припоминаю: пресловутые его реформы о реорганизации армии? Сокращение, увольнение и тому подобное?

– Так точно! – тяжело вздохнул подполковник и с силой сжал свои неслабые кисти в мощные кулаки. – Он тогда чуть всю армию не развалил! Вот и госпиталь этот тоже чуть не закрыл. Тут же раньше тысяча коек было! Больше двадцати отделений! Из них более половины – хирургического профиля. Уникальный коллектив, уникальный опыт и наработки. Ведь госпиталь принимал раненых почти со всех войн, начиная с Крымской кампании, в которой еще поручик Лев Толстой, принимал участие. Большинство наших врачей прошло не одну «горячую точку». И все чуть коту под хвост не пошло. Госпиталь закрыли, людей разогнали. Территорию едва-едва не пустили с молотка. Слава Богу, вовремя остановились. Теперешний министр, наоборот, стал все восстанавливать. Но это только начало! Разруха стоит страшная, как после настоящей войны!

– Да я уж заметил!

– Вот только в августе прошлого года нам разрешили открыть хирургическое отделение. Начали набирать штат. Объявили, как и положено, конкурс. Мне еще тогда ваше резюме понравилось, – Волобуев опять посмотрел мне в глаза, но уже мягче и как бы добрее, – но пришел приказ взять на место заведующего одну даму.

– Даму?! – я чуть не упал со стула. – Заведующим хирургическим отделением в военноморском госпитале решили назначить женщину?

– Увы, – подполковник потупил взор, – ничего не смог тогда с этим поделать! Мне буквально ее навязали! Ох, и хлебнули же мы с ней горя! Ладно, дело прошлое. Мало того, что она оказалась сугубо гражданским лицом, так еще и... – он набрал в легкие побольше воздуха и, резко выдохнув, не закончил предложения. – Насилу от нее избавились. В общем, хирургию нужно поднимать с колен и вытаскивать из той пустоты, куда она угодила. Там сейчас та-а-акой бардак! Так что, если вас такой расклад устроит, то милости просим!

– Хорошо! Я, в принципе, согласен! Начнем реанимировать хирургическое отделение, – я попытался широко улыбнуться, но вышло как-то неубедительно.

– Да вы не переживайте, – уловив мое настроение, впервые за все время разговора начальник госпиталя по-доброму взглянул на меня, – там ничего сложного нет. Главное – чтоб был порядок в отделении, а все остальное приложится. Главное – чтоб был идеальный порядок! Порядок во всем!

Я не придал тогда особого значения, можно сказать, ключевым словам. Если сказать честно, так и вовсе пропустил их мимо ушей. Что значит «порядок»? По-моему, хирургические отделения никогда не тонули в грязи и антисанитарии. На то она и хирургия!

Первого марта начался мой первый рабочий день в качестве заведующего хирургическим отделением в военноморском госпитале. Поднимаясь на третий этаж, где располагалось введенное мне отделение, я невольно задержался у копии картины Айвазовского «Девятый вал», висевшей на выкрашенной в тускло-синий цвет широкой стене в резной деревянной раме, сработанной под темную бронзу. Первое, что бросилось мне в глаза – это прояснившееся небо на заднем плане и небольшие волны вокруг спасшейся шестерки моряков. Хороший, как мне показалось, знак в начале карьеры.

У входа в отделение меня встретил понурый лопухий солдатик бледного вида в казенном коричневом халате с пришитым застиранным подворотничком, сидящий сбоку от входа у облупленной стены на поскрипывающем стуле с белым инвентарным номером на задней ножке. Узнав, кто я такой, служивый живо вытянулся во фронт и дрожащим голосом объяснил, как найти старшую медсестру.

Так как предыдущую заведующую уволили, не дождавись моего появления, а исполняющий обязанности руководителя отделения доктор был сегодня вызван в головной госпиталь, то в курс дела меня вводила старшая сестра Елена Андреевна Гладышева – красивая статная женщина чуть за сорок в белоснежном халате и высоком синеватом колпаке, идеально ей подхоdivших.

– Вот ваш кабинет, – негромко звякнув ключом, строго произнесла Елена Андреевна, отворяя давно не крашенную дверь с выцветшей красной табличкой «Заведующий хирургическим отделением».

– Спасибо! – благодарно кивнул я старшей сестре, принимая из ее рук увесистую связку дверных ключей. – А что так много?

– Тут еще не все, – приветливо улыбнулась Елена Андреевна. – Если хотите, то...

– Не хочу! – остановил я ее рукой, давая понять, что все ключи мне пока ни к чему. – Оставляю только от своего кабинета, а остальные пускай остаются у вас, – я вернул ей ключи от ванной комнаты, от обоих выходов в отделении, от входа на чердак, от перевязочной и от черт знает чего еще, оставив у себя только ключ от кабинета заведующего.

– Да, но у заведующего хирургией должны находиться все дубликаты ключей отделения! – попыталась возразить старшая сестра.

– Пустое! – отмахнулся я. – Буду еще забивать голову какими-то ключами. Других дел, что ли, нет?

Внутренний вид кабинета здорово опечалил меня. Он смахивал на своих грустных собратьев, обитавших в штабе. Просторная комната с внушительным двухметровым окном и высоким, под пять метров потолком хранила в себе старую, выдавшую виды мебель, покрытую толстым слоем едкой серой пыли. Отвратно пахло табачным дымом, уже въевшимся в покрытые светло-коричневым оргалитом стены, и очень так гадко несло из треснувшей раковины, присо-баченной в правом от входа углу под тусклым краном для мытья рук. Продавленный, в каких-то подозрительных пятнах плюшевый диван уже сам просился на помойку, а покрытый заляпан-ным, в мутных разводах стеклом письменный стол просил заменить ему подкосившуюся ножку. Скрипящие колченогие стулья, числом семь, нестройным рядом выстроились вдоль левой стены. И над всем этим витала разруха и скорбь по былому величию. Единственным приличным образцом мебели мне показался относительно новый книжный шкаф, стоявший слева от загаженного мухами окна и доверху набитый какими-то толстыми папками и книгами в потертых переплетах.

– Можете пока у меня в кабинете поселиться, или в ординаторской, – мягко предложила старшая медсестра, перехватив мой недоуменный взгляд, внимательно изучающий обстановку в кабинете. – Пока ребята тут порядок наведут.

– Так, а что же ребята раньше его не навели? – протер я указательным пальцем покрытый густой пылью подоконник, оставив на нем заметный след.

– Не знаю, – пожала плечами Елена Андреевна. – Предыдущую заведующую все устраивало. Да и потом, вдруг у вас какие свои пожелания будут?

– Да пожелания одни, – я открыл кран и смыл с пальца налившуюся пыль, – как можно скорее избавиться от всего этого хлама и получить новую мебель. Единственное, что можно оставить, так это книжный шкаф. Он тут самый, на мой взгляд, приличный образец мебели. Естественно, все эти макулатурного вида папочки, что покоятся внутри, немедленно выбросить на помойку.

– Насчет новой мебели – тут глухо как в танке! – невозмутимо сообщила старшая сестра. – А, как вы их обозвали «макулатурного вида папочки», – это важные документы, которые очень пригодятся для вашей дальнейшей работы, – она особенно нажала на слово «очень».

– Что же в них такого особенного? – покосился я на собеседницу, пытаясь провернуть заржавевший шпингалет на оконной раме, чтоб открыть разохшуюся форточку.

– Лучше не трогайте окно руками, а то еще рама, не дай Бог, целиком выпадет на улицу, потом отвечай! – громко предупредила Елена Андреевна. – Вначале его нужно как следует укрепить!

– Так, а что раньше-то не укрепили? – нахмурился я, убирая руки прочь от окна. Оно и вправду не внушало доверия, а из разохшейся и обветшавшей рамы заметно потянуло свежей струей холодного воздуха.

– Предыдущее начальство вполне устраивало, – тяжело вздохнула старшая сестра. – Вызовем столяра, он что-нибудь придумает.

– Скажите, а пластиковое окно нельзя будет установить?

– Пластиковое? – она неприкрыто улыбнулась. – Хорошо если это хотя бы починят! Тут же старинное здание, тем более эта стена выходит на проезжую часть городского проспекта, и нужно особое разрешение муниципальных властей на замену окон. Кто возьмется хлопотать?

– Ладно, пластиковое окно не получится вставить, но почему же не починили в свое время имеющееся? Рама же не вчера разохлась! Вон как сквозит! – я поднес руку к щели и явственно ощутил ледяной поток, идущий с улицы. – Что, предыдущую заведующую устраивал такой бардак?

– Ой, и не вспоминайте! – старшая сестра в сердцах махнула рукой. – Ее все устраивало, кроме работы! Вы чувствуете, какой тут запах? И это мы еще неделю проветривали! К ней в кабинет со всего госпиталя на перекур почти все местные курильщики собирались Она всех, добрая душа, привечала! Одних окурков после нее чуть ли не ведро вынесли!

– Похоже, не все вынесли, – я подошел к дивану и заглянул за его спинку. – Вон еще куча «бычков» валяется! – ткнул я пальцем в покрытые пылью и пеплом окурки с характерными следами от яркой помады на сморщенных фильтрах.

– Ладно, вы пока возьмите документацию и идите ко мне в кабинет, а я организую солдатиков, чтоб убралась тут у вас.

– А что за солдатики? Из числа больных? – поинтересовался я. – А где же уборщица?!

– Доктор, ну какая уборщица? Кто же сюда пойдет работать за такую смешную зарплату? А насчет солдат не переживайте – они не перетрутся!

– Так они же больные, – нахмурил я брови.

– Дмитрий Андреевич, сделайте обход отделения, познакомьтесь с лечащими докторами. Тут как-никак армия! Есть своя специфика. Со временем поймете, что здесь за больные находятся и чего им можно, а чего нельзя.

– Хорошо, – согласно кивнул я. – Пойду, совершу обход! Где можно получить халат и медицинскую робу?

– Халат? – с удивлением переспросила старшая сестра. – А у нас каждый со своим халатом и робой на работу ходит. Вас разве не предупредили?

– Нет, – растерялся я. – Мне и в голову не приходило, что в таком прославленном госпитале могут возникнуть проблемы с экипировкой заведующего отделением.

– Ладно, – задумалась Елена Андреевна, – попробуем что-нибудь подобрать из старых запасов. У вас какой размер?

Пока старшая сестра любезно подбирала мне халат и медицинский костюм, я решил ознакомиться с той документацией, что, по ее словам, составляла важную часть моей работы. Скрипнув дверцей книжного шкафа, я потянулся за лежавшим наверху стопки одним из документов в красной пластиковой обложке, и в ту же секунду к моим ногам с ожесточенным шуршанием устремилась настоящая бумажная лавина. Множество папок с характерным шелестом заскользило вниз, живо образовав небольшой бумажный холм чуть не до колена. Я взял папку с загадочным названием «Журнал учета тренажей хирургического отделения за 20.. год» и наугад открыл страницу где-то ближе к концу.

Тема № 21: «Анафилактический шок», – прочитал я про себя выделенное жирным шрифтом заглавие и по диагонали прошелся взглядом по основному тексту. Дальше следовало довольно подробное описание этого грозного осложнения в работе медицинского учреждения и инструкция с алгоритмом действий по его устранению. Тем в папке оказалось тридцать, очевидно по количеству дней среднестатистического месяца. В конце обнаружил кем-то заботливо разлинованную таблицу, содержащую в одном столбце фамилии сотрудников отделения, сверху даты и напротив каждой фамилии плюсики или минус.

– Это вам нужно каждый день читать нам лекцию и отмечать присутствующих, – подсказала Елена Андреевна, подошедшая ко мне сзади.

– Каждый день? – неуверенно переспросил я, повернув голову в ее сторону.

– Разумеется! На каждой утренней пятиминутке вы должны читать дежурному персоналу про неотложные состояния и ставить плюсики или минусы, кто присутствует или кто отсутствует. Вот вам халат! Примерьте!

– Однако! – почесал я переносицу, примеряя почти новый халат с чужого плеча. – И что, так вот по кругу весь год нужно читать эти самые неотложные состояния? И что такое «тренаж»?

– Вот это и есть «тренаж»! – невозмутимо ответила старшая сестра, оценивающе разглядывая слегка великоватый халат и поправляя завернувшийся сзади хлястик. – Тут так принято!

Я тяжело вздохнул, но ничего не ответил – принято, так принято! В чужой монастырь со своим уставом не лезут! Ладно, по ходу дела разберемся с этими пресловутыми тренажами! Интересно, а сколько еще подводных камней меня ждет впереди? Судя по бумажному Эвересту, выросшему у моих ног, довольно прилично!

Врачей в отделении сегодня оказалось немного: веселый, средних лет травматолог – крепкий приземистый парень лет под сорок с умными глазами, спрятанными за толстыми линзами модных очков, вечно хмурый пожилой полковник медицинской службы запаса, раньше занимавший должность заведующего одним из хирургических отделений, а сейчас работающий обычным хирургом, и источавший легкое винное амбре мятый лор-врач неопределенного возраста, яростно нажевывающий жевательную резинку. Познакомившись с коллегами в непринужденной обстановке, мы отправились обходить хирургическое отделение.

Старое здание, такое восхитительное снаружи, оказалось таким же отталкивающим внутри. С высоких потолков во многих местах гроздьями свисала серая штукатурка, удерживаемая лишь многослойной паутиной и честным словом. В самом начале отделения под облупленным потолком висели казенного вида круглые часы с мертвыми стрелками и засиженным мухами пожелтевшим циферблатом.

– Давно остановились, – подтвердил мою гипотезу относительно часов старый доктор. – На часового мастера у начальства нет денег, а нам снять и выкинуть жалко – они тут еще до Великой Отечественной войны висели.

– Плохо, – кивнул я и вошел в первую от центрального входа палату.

Широко распахнув крепкую, когда-то давно покрытую белой краской, а сейчас местами уже облупленную скрипучую дверь, мы вошли в просторную, с высоким потолком палату на четырех человек. Остро пахло спертым воздухом и здоровым мужским потом. По периметру вдоль шершавых стен с растрескавшейся, много лет не беленой штукатуркой стояли старые, покрытые чешуйчатой ржавчиной пружинные кровати, заправленные одинаковыми темносиними тонкими армейскими шерстяными одеялами с ровными черными полосками в ногах. На них, едва касаясь костлявыми ягодицами, сидели понурого вида молодые ребята в одинаковых госпитальных пижамах с жирным черным клеймом «МО» (министерство обороны) на спине. Справа от входа почтительно замер обшарпанный стол на толстых ровных, испещренных похабными и не только словами ножках, едва прикрытый поцарапанной во многих местах блеклой полировкой, с пузатым графином из толстого прозрачного стекла без пробки, стояв-

шим почти по центру в окружении четырех тонкостенных стаканов с прорисованными на дне яркой красной краской инвентарными номерами. Стулья в палате отсутствовали, зато у каждой кровати в изголовье узнавались выдавшие виды крашенные белой масляной краской маленькие тумбочки. Через грязные окна едва проникал дневной свет, а уличный пейзаж был надежно скрыт. Вместо люстры с высоченного потолка змеился черный, скрученный в крупную спираль электрический провод, увенчанный треснутым лампочным патроном с угадывающейся под толстым слоем пыли шестидесятиваттной лампочкой. «Красота» облупленных стен дополнялась вывороченными розеточными гнездами, которые висели на оголенных проводах почти над каждой кроватью. В одну такую розетку кто-то отважно подключил зарядное устройство мобильного телефона.

– Снова телефон заряжаете?! – свел к переносице мохнатые седые брови старый служака. – Сколько раз можно вам повторять, что в госпитале запрещено пользоваться сотовыми телефонами.

– А такими электрическими гнездами можно? – кивнул я в сторону висящей на алюминиевых нервах розетки.

– Да постоянно говорили старой заведующей, – замялся полковник, – что нужно починить розетки, а она – ноль эмоций!

– А сами что? – прищурился я. – Не в состоянии найти мастеров?

– Кто нас послушает? – отмахнулся старый хирург. – Уже миллион раз говорено! Надо, чтоб вы лично с кем надо переговорили! Похоже, пока кого-нибудь током не шибанет, толку не будет!

– Вы с замом по АХЧ¹ поговорите, – подсказала старшая сестра.

– А что окна-то такие грязные? – кивнул я на непроницаемые стекла.

– Их только весной можно отмыть, – вздохнула старшая сестра. – Они же на проезжую часть выходят – там пыль и грязь, а окна уже законопачены на зиму. Вот только осенью их мыли.

– Плохо! Ладно, с окнами ясно! А насчет розеток с замом по АХЧ поговорю, – пообещал я, делая соответствующую отметку в записной книжке.

– Это у нас Женя Скворцов! Юный воин-десантник! – бодро представил травматолог первого пациента. – Привычный вывих правого плеча. В день по пять-шесть раз рука из сустава вылетает. Сам и вправляет! Призвался месяц назад из Башкирии.

– Десантник?! – окинул я тщедушного воина недоверчивым взглядом.

– Так точно! – привычно гаркнул солдатик, выпрямив впалую грудь. – Десантник! 76-я дивизия ВДВ!

– И давно она, – я кивнул на его висевшую вдоль туловища правую руку, – у тебя вылетает?

– Да года два! Я как с мотоцикла упал, так и выскакивает! У нас в деревне некому было прооперировать, а в Уфу что-то как-то не получалось съездить. Так вот и хожу! Да я уже сам наловчился ее вправлять! Ничего! – показал он в широкой улыбке прокуренные зубы.

– А как же тебя в армию-то, беднягу, призвали, да еще в десантные войска? Как такое вообще возможно? – недоверчиво покосился я на травматолога.

– Сейчас все возможно, – пришел ему на помощь старый доктор, оказавшийся Яковом Сергеевичем Моховым. – В военкоматах теперь сидят все, кому не лень! Вернее, все, кого туда загонят. Никто же не хочет из нормальных, знающих все нюансы военной специфики врачей за копейки туда идти! В наше время хоть как-то, но врачей специально готовили для работы в военкомате. Занятия какие-никакие проводили. А сейчас откомандируют самого молодого врачешку, сунут ему приказы, и все! Смотри, изучай, действуй! Ладно, если толковым ока-

¹ АХЧ – административно-хозяйственная часть.

жется и сумеет сам в приказах разобраться, а если нет, то... – он не закончил фразу, а с силой рубанул липкий воздух правой ладонью.

– Да уж! – нахмурился я. – И что теперь?

– Теперь будем его увольнять из рядов вооруженных сил, – ответил за Мохова травматолог. – Вот прислали его для прохождения ВВК². Хорошо, что у них там до прыжков дело не дошло! Представляете, что было бы, если б у него вывих в воздухе произошел?!

– Нда-а-а! – протянул я. – И где же были глаза у того доктора, который ему «годен» написал?!

Вторым пациентом оказался Павел Морозов, призванный из Ивановской области две недели назад. У него было настолько выраженное искривление позвоночника, что мне поначалу привиделось, что его стриженная ушастья голова растет прямо из правого плеча, где она пребывала при разговоре. Но когда несчастный солдатик стянул с себя пижаму, то мы узрели, что имеет место выраженный сколиоз с нереально чудовищным уклоном позвоночного столба вправо. Этакая мрачная шутка природы и ивановского областного военкомата.

– Его тоже на ВВК прислали? – догадался я.

– Так точно! – по-военному, с грустью в голосе ответил Павел Сергеевич Князев – травматолог. – Будем списывать!

– А зачем их списывать, если они еще присягу не приняли? Разве нельзя их сразу обратно по домам отправить?

– Нельзя! Таковы правила. Раз пропустили на медкомиссии и они уже попали в войска, то теперь их можно списать только по решению ВВК.

– Так за чем же дело стало? – я внимательно посмотрел на говорившего травматолога. – Напишите нужную бумагу, и вперед! Чего парни тут зазря прохлаждаются?!

– Не все так просто, – кисло улыбнулся Павел Сергеевич, – вы ведь до этого с военной медициной не были знакомы?

– Бог миловал!

– А здесь не совсем все так просто, как на «гражданке». На списание может уйти не один месяц!

– А что так долго?!

– О-о-о, – покачал седой головой стоявший рядом полковник. – Вы еще узнаете, что такое ВВК! И с чем его едят! Мало того, – он кивнул в сторону скрученного в спираль военнослужащего, – что ему нужно будет пройти массу обследований, включая компьютерный томограф и УЗИ, не говоря уже о рентгене, и получить не одну консультацию узких специалистов, начиная от уролога, кардиолога и прочих, написать ПРАВИЛЬНО (он громко выделил голосом это слово) соответствующую бумагу, так еще и дождаться нужного ответа. А на это тоже уйдет время!

– И еще бумагу ту легко могут вернуть назад на исправление! Не там запятую поставил, – Павел Сергеевич улыбнулся чуть шире, – не так слово употребил, не все анализы собрал, не так подробно переписал заключения консультантов – сразу отдают на доработку.

– Военный бюрократизм? – участливо поинтересовался я.

– Нет! Просто военный! – не скрывая улыбки, ответил доктор Князев. – Существует даже специальная брошюра, изданная для внутреннего пользования в министерстве обороны, регламентирующая канцелярский язык для написания военных документов.

– Серьезно?!

– Уж куда серьезней! – подключился молчавший доселе лор-врач. – Я вот раз, помню, написал представление на ВВК и...

² ВВК – военно-врачебная комиссия, выдает заключения о пригодности к воинской службе.

– Витя, давай после дорасскажешь! – полковник Мохов грубо прервал дышавшего смачным таким перегаром лорика и тактично оттеснил его собой на задний план. – А то мы так два часа все палаты обходить будем.

– Хорошо-хорошо, – живо согласился Виктор Стефанович Пивко, засунул подрагивавшими пальцами в рот свежий кубик мятного «Дирола» и, виновато опустив голову, спрятался за широкую спину травматолога.

Третий воин оказался с врожденным укорочением левой нижней конечности. Как весело произнес травматолог: «Всего-то на шесть сантиметров». При этом он так хромал при ходьбе, что у меня зародились сомнения, что этих злополучных сантиметров куда больше. А последний больной военнослужащий хоть и не имел явных физических пороков до призыва в Вооруженные силы, но, походив с месячишко у себя в части в тяжелых берцах, так сбил свои слабые ноги, что заработал обширные потертости на коже стоп и теперь вынужден залечивать их в хирургическом отделении.

В остальных палатах картина повторилась как под копирку: обшарпанные, забывшие ремонт помещения, начиненные казенной ветхой мебелью с инвентарными номерами, раскуроченные розетки и забитые солдатики и матросики, по воле злого рока и военкома оказавшиеся в рядах российской армии.

Только в последних трех палатах попались матерые, сурового вида бойцы, получившие огнестрельные ранения на Юге. Но про свои увечья они не распространялись, ссылаясь на военную тайну. Я, уже будучи предупрежден насчет них, делал вид, что ребята свои повреждения получили при неосторожном обращении с оружием и с боеприпасами, как было написано в их историях болезни.

Парни с Юга держались особняком, молча переносили повышенное внимание к себе со стороны остальных военнослужащих и старались особо не откровенничать с медперсоналом. Мы тоже им в душу не лезли, а делали свое дело, пытаясь поскорей поставить их на ноги.

За последней палатой оказался узкий проход, ведущий в соседнее здание. Я не удержался и в сопровождении коллег отправился туда. За лишенным дверей дверным проемом следовал длинный, усыпанный разнообразным строительным мусором широкий коридор. По обе его стороны шли просторные комнаты со следами «пытток»: вырванные вместе с косяками двери, грубо оторванный плинтус, развороченные стены и потолок. В одном месте, ближе к дальнему входу, отыскалась самая огромная дыра в потолке, которая неприкрыто зияла своей откровенной циничностью. Под ней, поджав под себя покореженный кронштейн, скорбно ржавела мятая бестеневая операционная лампа. На разбитых лампочных гнездах слезились мелкие осколки.

– Тут раньше у нас травматологическая операционная и травматделение располагались с перевязочными и гипсовой, – едва сдерживая волнение, просипел травматолог. – Я тут в свое время, можно сказать, каждый гвоздик вот этими руками забил, каждую плиточку приклеил. – Он с нескрываемым сожалением посмотрел на сбитый кем-то недобрым голубоватый кафель и отвернулся.

– А кто же здесь так активно поработал? – недоуменно посмотрел я на коллег. – Кто, а главное, зачем все раскурочил?!

– Был приказ министра обороны Табуреткина о закрытии нашего госпиталя! Вот предыдущее начальство и велело все здесь демонтировать. Здание выставлялось на торги, и медицинское оборудование в нем было лишним, – сухо прокомментировал суровый полковник.

– Туда можете не ходить! – предупредил меня лишенный сентиментальности Яков Сергеевич, узрев, что я, старательно обходя битое стекло на истерзанном линолеуме, направился дальше по коридору. – Там тоже разгром! Везде, во всем госпитале, одно и то же – разруха! Вот мы своими силами только хирургию, терапию и инфекционное отделение от мусора расчистили и начали работать.

– А сколько всего отделений было до закрытия?

– То ли двадцать пять, то ли двадцать шесть, уже и не помню, – печально ответил старый хирург. – А какой госпиталь был! Красота! Силища!

– Одно наше лор-отделение чего стоило! – мечтательно произнес Виктор Стефанович. – На весь советский, а после российский флот гремело! А теперь в нем старые кровати складированы.

Обход показал мне, что в отделении царит полнейший развал что в палатах, что в остальных помещениях. Разумеется, по сравнению с остальным госпиталем хирургия выглядела значительно лучше, но все равно пациентам находиться в таких условиях было невыносимо. К тому же, кроме полусекретных бойцов в последних трех палатах, в настоящем лечении нуждались от силы два-три человека. Так как часть солдат и матросов надлежало списать из армейских рядов, а часть страдала нетяжелыми заболеваниями, у меня возникла идея перевести всех военнослужащих в другие госпитали, а самим заняться ремонтом. Я поделился своими соображениями с врачами отделения. Они как-то без особого энтузиазма посоветовали обсудить сей вопрос с начальником госпиталя.

– Денег нет! И не будет! – коротко отрезал подполковник Волобуев на мой телефонный звонок.

– Да, но пациентам невозможно находиться в таких опасных условиях! – попытался возразить я. – Розетки разворочены, штукатурка со стен и потолка сыпется чуть не на голову, кровати...

– Дмитрий Андреевич, здесь армия! – грубо перебил мои веские доводы начальник госпиталя. – А военнослужащий должен стойко переносить все тяготы и невзгоды армейской службы!

– А если этого самого военнослужащего возьмет и током насмерть шарахнет, то кто станет отвечать?!

– Мы с вами, – уже спокойным голосом ответил начальник. – Свяжитесь с замом по АХЧ и скажите ему насчет розеток. Он в курсе. Все руки у него не доходят! Напомните лишний раз. Но на настоящий ремонт не рассчитывайте! По крайней мере, в этом году точно! Займитесь лучше своей рабочей документацией. Вы уже ознакомились со всеми инструкциями? Поверьте, там есть над чем поработать!

Закончив заведомо бессмысленный разговор, я повесил трубку и нехотя придвинул к себе часть выпавшей из шкафа бумажной кипы, которую мне надлежало изучить. Аккуратно отложив в сторону уже знакомые «тренажи», я снял с вершины бумажного холма увесистую пачку разного рода инструкций и предписаний, кем-то заботливо пронумерованных и прошнурованных.

Через два часа вдумчивого чтения «Должностных инструкций» сотрудников отделения я понял, что начинаю потихоньку сходить с ума. Мало того, что я про себя переводил текст с военного канцелярского языка на общедоступный, так еще и добросовестно старался вникнуть в то, что там было написано. При этом возвышающаяся передо мной бумажная гора не уменьшилась ни на йоту. При такой скорости изучения у меня уйдет... Тут я задумался, а сколько же времени у меня уйдет на все это чтение?

– Добрый день, Дмитрий Андреевич! Не помешал? – прервал мои скорбные размышления розовощекий майор Горошина, исполняющий обязанности начмеда госпиталя.

– Нет, что вы, Григорий Ипатьевич! – встав из-за стола, я протянул ему правую руку.

– Изучаете? – он кивнул на ставшие уже ненавистными бумаги, крепко пожимая мою кисть. – Правильно делаете! Только, – майор картинно выдержал небольшую паузу, по-хозяйски присев на свободный стул прямо напротив меня, – здесь больше половины инструкций уже устарели. Вы на дату смотрели?

– На дату? А что с датой не так?

– Там на большинстве документов устаревшая дата: прошлогодняя, позапрошлогодняя. А инструкции в армии нужно каждый год обновлять. И потом, – он открыл первый попавшийся ему на глаза документ, – тут почти нигде не стоит подпись нынешнего начальника госпиталя и подпись заведующего отделением!

– А что, это так важно?

– Вы что, Дмитрий Андреевич? – породистое лицо майора перекоилось от неподдельного ужаса. – А как же?! Все документы должны быть пронумерованы, со свежей датой и завирированы. Да обязательно с подписью Марата Ивановича и вашей! Вот гляньте, – он сунул мне под нос инструкцию врача-хирурга, – дата двухлетней давности и подпись в правом верхнем углу, где напечатано слово «утверждаю», предыдущего начальника госпиталя!

– Кошмар! – покачал я головой. – Тянет как минимум на суровое воинское преступление!

– Бросьте вашу неуместную иронию, – поморщился майор. – Я вам серьезно говорю: документы нужно не только как следует изучить, но и переделать.

– И я серьезно! Тут, если все переделывать, то работы на несколько месяцев! – я с трудом оторвал двумя руками от стола бумажную массу и с шумом опустил ее назад.

– Мы вас не торопим, но и запускать документацию не позволим! Предыдущая заведующая даже не соизволила ознакомиться ни с одним документом, не говоря уже об исправлениях в них. Надеюсь, у вас с этим проблем не возникнет?

– Хорошо, я попробую, но когда мне тогда заниматься больными и лечебной работой?

– А надо все успевать! – криво ухмыльнулся Горошина и, резко встав со стула, оправил сзади одной рукой отутюженный китель. – Думаю, месяца вам будет достаточно.

– Еще позвольте вопрос? А что, все эти инструкции и наставления уже устарели?

– Почему? Все актуально!

– То есть нужно переделывать все бумаги только потому, что поменялся начальник и дата уже другая?

– Так точно, – мягко улыбнулся майор. – Так у нас в армии заведено! Во всем должен быть порядок! Порядок и дисциплина!

– Так у нас в стране, простите, скоро и деревьев не останется – все на бумагу переведут!

Горошина не стал со мной спорить, а надел на коротко стриженную голову фуражку с высокой тульей и, привычно повернувшись на сто восемьдесят градусов через левое плечо, быстро вышел из кабинета, бесшумно прикрыв за собой входную дверь. Я же остался один на один с целой горой документов. «Может, выбросить их все к чертовой матери, да и все дела?» – мелькнула у меня шальная мысль.

– Дмитрий Андреевич, к вам можно? – прервал мои невеселые размышления звонкий голос старшей сестры. – Я тут вам еще бумаг принесла. Разбирайтесь!

– Куда мне одному столько? – расширил я глаза, когда Елена Андреевна выложила передо мной на стол еще несколько увесистых красных папок.

– Так это уже все по боевой подготовке!

– По чему?! – я аж приподнялся с кресла, на котором сидел.

– По боевой подготовке! Вот здесь списки боевого расчета, план оповещения, условные сигналы. Карты, схемы и так далее. Кстати, теперь вы возглавляете эвакуационную хирургическую бригаду!

– Какую бригаду? Какой расчет?! – я плюхнулся назад в кресло и схватился обеими руками за начавшую пухнуть голову. – Какие сигналы?

– Как «какие»? На случай тревоги! Вы в армии служили?

– В армии я служил! Давно, правда, это было, еще в Советской армии. И тревоги у нас были самые настоящие! Здесь что, тоже нас куда-то повезут? Но мы же, вроде бы, гражданские, или я ошибаюсь?

– Нет! Тут все как бы понарошку. Тревоги – учебные. Главное – правильно заполнить документацию и выполнить последовательность действий. Вот тут все написано! – она протянула мне верхнюю папку с надписью «Боевой расчет хирургического отделения».

– О, и тут еще старый начальник госпиталя значится! – кивнул я на верхний правый угол, где после «Утверждаю» стояла незнакомая фамилия. – Придется и эту папку переделывать?

– Придется, – согласилась со мной старшая сестра. – Еще нужно старую заведующую заменить на вас со всеми данными: адрес, порядок вашего оповещения. Но и это еще не все: у меня в шкафу комплекты для оказания экстренной помощи, их тоже надлежит тщательно проверить по списку и убрать просроченные лекарства и материалы. Чего нет – составьте заявку! Все строго по описи! Да, комплект наших носилок хранится в приемном покое, их тоже нужно проверить и сломанные заменить. Не дай бог объявят тревогу, а у нас что-то неисправное будет или просрочено!

– Тревогу? – я тихо застонал. – А когда же я лечебной работой начну заниматься? Когда уже оперировать стану?

– А здесь лечебная работа обычно на последнем месте стоит! – раздался бодрый голос вошедшего в кабинет травматолога. – У вас тут, извините, дверь нараспашку была, поэтому я без стука и вошел.

– Ой, это я забыла прикрыть за собой, – зарделась старшая сестра. – Руки были заняты – папки вам несли.

– Павел Сергеевич, – я перевел свой грустный взгляд на веселого травматолога, – присаживайтесь! И вы, Елена Андреевна, присаживайтесь. Признаться, я не ожидал, что мне тут придется заниматься бумажной волокитой. Эти чертовы инструкции!

– Не унывайте, – улыбнулся травматолог. – Это еще не самое худшее!

– А что еще может быть хуже, если я вместо лечения больных и операций должен работать над какой-то ерундой?!

– Ну, это не совсем ерунда. Хотя в нашем госпитале из военных всего два человека – начальник и начмед, однако это объект министерства обороны и порядки в нем соответствующие! Если у нас нет осложнений после операций, больные поправляются, не пишут жалобы, вовремя подаются на ВВК, то никто и не вспомнит о лечебной работе. Я имею в виду из начальства. А вот если возникнут проблемы с бумагами, то обязательно накажут. И накажут рублем. Лишат премии, а она здесь каждый месяц и вполне себе ничего так, – многозначительно изрек доктор Князев.

– Это, смотря у кого, – недовольно хмыкнула старшая сестра. – У врачей, может, и ничего, а вот сестрам и санитаркам почти всегда одни копейки достаются!

– Ну, – травматолог широко развел руки в стороны, – тут уж кто на кого учился!

– А вы это все сейчас мне к чему рассказываете? – насторожился я.

– К тому, уважаемый заведующий, что в армии все по последнему смотрят. Если мы свою работу выполним, а кто-то, простите, задержит, то накажут всех!

– Это вы на то намекаете, – я небрежно провел рукой по бумагам, – что если я вовремя не переделаю бумаги, то все отделение лишится премии?

– Ну, я не лично вас имел в виду! – смутился травматолог.

– Я все понял, – остановил я рукой его дальнейшее выступление. – Но как я за один месяц справлюсь с такой задачей?! Тут только навскидку документов около пятисот листов формата А-4! А если учесть, что я печатаю со скоростью один лист в час, то на всю эту кипу уйдет... – тут я задумался, высчитывая, сколько же времени мне понадобится.

– Прекратите ломать голову, не нужно ничего вам самому печатать, – широко улыбувшись, травматолог прервал мои вычисления. – Все гораздо проще и прозаичней, чем вы думали! Все эти документы в свое время печатали на компьютере, значит, сохранились в электронном виде. Сейчас поставим задачу Володе, и он живо все найдет, исправит и распечатает.

- А кто у нас Володя?
- Володя – это солдат, который нам... – травматолог замялся, подбирая нужное слово.
- Который работает у нас в отделении на компьютере. Он сам по специальности компьютерщик, – пришла ему на помощь Елена Андреевна. – Гений, можно сказать! Компьютерный!
- И сколько этот ваш компьютерный гений берет за свою работу?
- Что вы, Дмитрий Андреевич, какие могут быть деньги?! – резко взмахнула правой рукой старшая сестра. – Он же у нас в хирургии лежит!
- Что-то я не припомню такого бойца на обходе? – наморщил я лоб. – Он в какой палате лежит?
- В девятой! Только его на вашем обходе не было, он, тогда как раз в штаб документы с отделения относил.
- Дмитрий Андреевич, – травматолог добродушно улыбнулся, – видите ли, у нас здесь есть группа солдат и матросов, которые работают в госпитале. Числятся больными, а мы ведем на них истории болезни.
- А-а-а, понимаю, – протянул я, – сачки, значит? Не хотят служить?
- Ну, почему сразу «не хотят служить»? – перестал улыбаться травматолог. – По большому счету никто из современных призывников не желает служить, за редким исключением. И я их понимаю, почему они должны за спасибо целый год впахивать на министерство обороны?
- А как же долг перед Родиной? – я с вызовом посмотрел Павлу Сергеевичу в его честные голубые глаза. – А если война? Кто нас тогда с вами защищать станет?
- Да бросьте вы кидаться избитыми фразами, – спокойно выдержал мой тяжелый взгляд доктор Князев. – Я сам ВМА заканчивал и не понаслышке знаю об армейской службе. В армию, равно как и на флот, люди должны идти сугубо добровольно, а не из-под палки! Иначе – бардак! Они вон сейчас всего какой-то год служат, а дедовщина все равно существует в войсках и процветает. Год! Деды, блин! Вот они и пытаются закосить по-всякому, лишь бы не в части находиться!
- А здесь, простите, позвольте с вами не согласиться! Я сам служил, еще тогда в Советской армии, и про дедовщину знаю не по рассказам бывалых. И компетентно могу заявить, что в тех частях, где офицеры борются с дедовщиной, она сходит на нет!
- Так в том-то и дело, если борются! А в большинстве случаев офицерам откровенно наплевать на солдат и они закрывают глаза на то, что творится в подразделениях. Поэтому я за контрактную армию!
- У-у-у, господа, в какие дебри вы сейчас залезли, – с улыбкой прервала наш спор Елена Андреевна. – Вернитесь на землю! Это уж не нам решать, какая у нас армия будет – по призыву или по контракту. Нам нужно вот в данный момент решить проблему с бумагами, – она многозначительно посмотрела на возвышающуюся на моем столе кучу. – Поэтому я предлагаю привлечь Володю.
- А разве это правильно – привлекать для этой цели больного солдата?
- Да он уже три месяца как здоров!
- Три месяца? – я перевел взгляд на старшую сестру. – Он что, у вас три месяца работает?!
- Ну, во-первых, – Елена Андреевна слегка обиделась, – тут так все делают! Раньше были специальные солдаты из числа хозобслуги, которые прямо проходили срочную службу в госпитале. Но теперь их сократили, а обязанности-то их остались, и нам приходится самим как-то выкручиваться. Вот подбираем толковых парней из числа больных и продляем им истории болезни. Фактически они числятся больными, а практически выполняют разного рода работу. А во-вторых, если вам что-то не нравится, то печатайте сами!
- Дмитрий Андреевич, – вновь заговорил травматолог, – не берите в голову! Начальство в курсе наших маленьких хитростей, с командирами частей, откуда прибыли эти бойцы, кон-

такт налажен. Вы поймите, что без таких ребят тяжело. Старшина отделения, компьютерщик, дневальный, на КПП, даже санитар в операционной – это все из команды выздоравливающих.

– Так они тут у нас, глядишь, и дембель встретят, – обронил я.

– Так и замечательно! Мы потом вместо них новых ребят наберем. Свято место – пусто не бывает! Они нам пользу приносят немалую. Их же в армию призвали, а там уже неважно, где служить – тут или в части. Вот, к примеру, у нас извечная проблема – в операционной уже много лет подряд нет санитарок. Никто не хочет идти на такую нищенскую зарплату. Кому прикажете мыть инструменты, операционную и помогать на операциях?

– Ладно, – я устало махнул рукой. – Может, в ваших словах и есть доля правды. Пускай этот самый Володя займется документацией, не возражаю!

– Займется! – расцвела старшая сестра. – Только ему нужно показать, что конкретно нужно исправить. Вы разберите пока документы, а я его сейчас позову.

Елена Андреевна и травматолог вышли из кабинета, я вновь устремил свой потухший взор на бумажную груды. Как тут можно во всем разобраться? Тяжело вздохнув, принялся без особого энтузиазма разгребать шелестящую кучу.

Володя оказался долговязым субтильным юношей с бегающими хитрыми глазками на скуластом лице. Без предисловий он взял быка за рога, шустро отсортировав все документы на три кучи в порядке их значимости. Начал вносить изменения с наиболее важной кучи – папок по боевой подготовке. Мой рабочий день закончился в 17:00, а компьютерщик, удобно расположившись в кабинете старшей медсестры у ее компьютера, продолжил работу над документами. Довольный так удачно разрешившейся проблемой, я спокойно отправился домой...

Беспристрастный звук телефонного звонка вырвал меня из объятий Морфея ровно в шесть часов утра.

– Это доктор Правдин? – поинтересовался встревоженный женский голос. И, получив ответ, четко отрапортовал: «Удар ноль семь! В госпитале объявлена боевая тревога! Вам надлежит как можно быстрее явиться в отделение и занять место согласно боевому расчету! Вы – начальник эвакуационной хирургической бригады! Остальные члены уже оповещены!»

– Есть! Принял! – четко по-военному ответил я, положил трубку и... спокойно перевернулся на другой бок. Как ни крути, а мне еще оставался час до намеченного мной подъема...

– Норматив на отлично – сорок минут после получения сигнала тревоги! – вместо «Здравствуй» с ходу выпалил мне в лицо стоящий у ворот КПП малознакомый холеный подполковник Комаров в полевой форме с какой-то синенькой толстой тетрадкой в руках. Я видел его один раз, когда устраивался на работу, возле здания штаба, где он что-то обсуждал с Волобуевым. Как я понял, он был представителем головного госпиталя. – Судя по адресу, вы живете всего в пяти кварталах отсюда!

– А кто вам сказал, что я ночевал дома?! – лихо парировал я его напрасный выпад. – Время сейчас на часах восемь пятьдесят. Рабочий день у меня с девяти ноль-ноль. Я на работу прибыл вовремя! Какие у вас еще могут быть вопросы к гражданскому лицу?

– Дежурный врач вам передала сигнал ровно в шесть утра! Вам надлежало явиться через сорок минут или сообщить, что вы задерживаетесь! – не унимался подполковник, пропуская мимо ушей мои объяснения.

– Я по дороге попал под бомбежку! Чтоб уцелеть, пришлось зарываться в землю! – без тени смущения вдруг заявил я обалдевшему проверяющему и, сжигаемый сзади его испепеляющим взглядом, твердыми шагами проследовал в отделение.

– Я сейчас подымусь к вам в хирургию! Готовьте документацию! – словно тяжелый дробик, пульнул мне в спину он последние слова.

Володя порадовал – вся документация по боевой подготовке была исправлена и распечатана и еще носила тепло перегревшегося принтера. О том, что сей подвиг дался ему нелегко, свидетельствовали его красные воспаленные глаза. Я поблагодарил компьютерного гения и

отправил его спать. Наскоро провел утреннюю конференцию, где выяснилось, что дежурная смена грамотно среагировала на сигнал тревоги: опустили на окна светомаскировку, выслали на КПП дополнительный наряд, закрыли все входы-выходы в отделение, выставили дополнительных дневальных.

Теперь осталось дожидаться проверяющего и показать ему документацию, где в одной из таблиц карандашом было вписано, во сколько кто прибыл. Оказалось, что почти все сотрудники хирургического отделения явились лишь к самому началу рабочего дня. Но, правда, и все они жили куда дальше меня.

– Так-так! – постукивая остро отточенным карандашом по крышке письменного стола, начал просмотр документов развалившийся в моем кресле подполковник Комаров. – Посмотрим, как тут у вас с документами!

– Я заведующий всего второй день, – напомнил я, усевшись рядом на жесткий стул.

– Я в курсе, – кивнул Комаров. – У меня нет полномочий вас наказывать, я только выявляю недостатки, а вы их потом устраняете. Где у вас журнал учета рабочего времени?

– Вот! – быстро выудила из кипы на столе и сунула под нос проверяющему какую-то толстую тетрадь помогающая мне старшая сестра. – Все заполнено!

– Хорошо-хорошо, – пробежал глазами все исписанные страницы подполковник и поднял свои водянистые глаза на меня. – А журнал тренажей оказания экстренной помощи?

– Вот!

– Журнал тренажей отработки видов боевой тревоги? Журнал учета прибытия и убытия военнослужащих? Журнал учета перевязочного материала? Журнал учета медоборудования? Журнал...

– Вот! Вот! Вот! Вот!

Три часа невозмутимый подполковник въедливо изучал выложенные перед ним журналы. Три часа, не разгибаясь, он искал недоделки, делая какие-то пометки у себя в секретной тетради. За это время в операционной выполнили две плановые операции. Увы, без моего участия!

– Ну, что ж, – Комаров потянулся в кресле, поворачивая затекшее туловище в разные стороны. – Так вроде неплохо!

– У нас всегда все хорошо, – поспешила заверить его Елена Андреевна. – У проверяющих претензий не бывает!

– Верю-верю! А где у вас «Журнал учета журналов»?

– Что? – я посмотрел на подполковника широко раскрытыми глазами, не зная, то ли он чего-то напутал, то ли сейчас издевается за мое утреннее поведение.

– Пожалуйста! – старшая сестра уже отточенным движением подала вспотевшему проверяющему еще один, не замеченный мной, заботливо укутанный в прозрачную пленку небольшой журнальчик, сделанный из общей тетради.

– Ага! – победно вострубил подполковник. – А вот это уже серьезное замечание будет! Я понимаю, вы там даты исправили, у вас поменялся заведующий, начальник, они не успели еще везде расписаться. Ладно! Распишутся! Но вот тут! – он ткнул толстым волосатым пальцем в последнюю страницу. – У вас указано, что числится тридцать восемь журналов, а я насчитал тридцать девять! Не вписан журнал учета дополнительных полдников для больных! А вот это уже серьезный залет! И я буду вынужден доложить о нем вышестоящему начальству!

– Но мы только на днях получили приказ завести такой журнал! – попыталась оправдаться старшая сестра.

– Ничего не знаю! – Комаров громко захлопнул тетрадь и впервые за все время плотоядно улыбнулся, обнажив редкие зубы. – Залет!

– Журнал учета журналов, – все крутилась у меня в голове необычная фраза. И не ведал я еще того, что через год цифра в нем вырастет до пятидесяти трех.

Шел второй день моей работы в Военно-морском госпитале...

Строить будем?

Три недели моего заведования на новом месте пролетели как один день. Скупое на тепло петербургское солнце уже успело растопить остатки грязного снега и основательно подсушить растрескавшийся местами асфальт. Отзвенела сосулистая капель, оголив знаменитые петербургские крыши, крытые оцинкованной жстью и формирующие узнаваемый на многих популярных фотографиях местный пейзаж. Скованные январским морозом реки и каналы зримо подернулись черными крупными пятнами проталин на явно гибнущем льду. День различимо прибавил в часах, и уже собираясь по утрам на работу, отпала нужда зажигать свет.

В один из таких светлых и солнечных дней начмед Горошина оставил меня после общегоспитальной утренней конференции, и, простите за тавтологию, взял да и огорошил меня:

– Дмитрий Андреевич, я попрошу вас сегодня отдежурить по госпиталю вместо заболевшего доктора Ассениз.

– А что с ним случилось? – внутренне холодея от навалившейся напасти, больше для проформы, чем из любопытства, спросил я.

– Не с ним, а с ней, – с милой улыбкой на гладковыбритом щекастом лице поправил меня майор. – Доктор Ассениз – женщина. Не знаю, что-то с животом. Не робейте вы так, Дмитрий Андреевич! Ну, я вас очень прошу, как начмед – выручите коллегу.

– Да, я с удовольствием! – я с трудом растянул губы в глупой улыбке, удивляясь, как это мне удалось сделать. – Только вот беда, я никогда еще не дежурил по военному госпиталю. Я так понимаю, что дежурный врач в ночное время один во всех лицах?

– Почти так. В реанимации есть свой дежурный врач, но он отвечает только за свое отделение, – уже искренне, от души улыбнулся начмед, видя, что я не собираюсь идти на попятную. – После семнадцати ноль-ноль и до девяти утра дежурный врач по госпиталю тут царь и Бог в одном лице! Да не тушуйтесь вы так! Ничего сложного в дежурстве нет. Главное – это контроль за камбузом, личным составом, прием вновь поступивших и наблюдение тяжелых больных в отделениях. В реанимации, повторюсь, есть свой врач.

– Прием? Контроль? Камбуз? А это как?

– Все просто. Вы в определенное время идете на камбуз, так у моряков называется кухня.

– Я знаю, что такое камбуз.

– Хорошо. Затем каждые два часа обходите территорию госпиталя и по своему усмотрению посещаете все отделения, но не меньше трех раз за ночное дежурство, и не менее шести раз за выходной день, если доведется когда дежурить. Отделений, как известно, у нас шесть: хирургия, терапия, неврология, инфекционное, кожное и реанимация. При посещении вы обязаны построить весь личный состав отделений, за исключением офицеров, прапорщиков и военнослужащих срочной службы, и сверить их со списком, осмотреть, чтоб все были побриты, подшиты и в уставной форме одежды. Все вновь поступающие больные осматриваются вами в приемном покое, заполняются истории болезни, и назначается лечение. Все относительно просто. Обо всех ЧП немедленно докладывать мне и начальнику госпиталя. В 21:00 и в 08:00 доклад по телефону. Так же мне и Волобуеву. Это так, вкратце, в общих чертах. В 16:00 подойдете в штаб ко мне в кабинет для подробного инструктажа. А для начала в 12:00 на камбуз – снимать пробу. Нужно проверить приготовленную на обед пищу. Заведующая столовой Елена Петровна Хвощ подскажет, как правильно снимать пробу. Вопросы есть?

– Есть! А как я назначу лечение терапевтическим, неврологическим и инфекционным пациентам, если, мягко говоря, я не особо сведущ в этих дисциплинах?! Я как-никак по специальности врач-хирург.

– Я помню, что вы хирург, – надул свои упитанные красные щеки Горошина. – Но и тут ничего проблемного не усматриваю. Там, в приемном покое, есть специальные папочки, где

написано примерное лечение больных с теми заболеваниями, что поступают к нам в госпиталь в экстренном порядке. Как правило, к нам везут ограниченное количество нозологий. Дмитрий Андреевич, давайте все остальное после, сейчас я очень тороплюсь, начальник вызвал на совещание в штаб, – резво опередил меня майор, видя, что я снова пытаюсь задать ему очередной каверзный вопрос.

Без пятнадцати двенадцать я попытался открыть тяжелую стальную дверь с крупными золотыми буквами на красном прямоугольнике, складывающимися в завораживающее слово «камбуз», расположенную на первом этаже центрального корпуса. Дверь не поддавалась, я повторил усилие. Затем громко и с силой постучал по железу кулаком.

– Чего так тарабанишь?! По голове себе лучше подубась! Вон же звонок висит, – высунулась из-за двери часть женской головы в виде рыжеватых волос и ткнула грязным коротким пальцем куда-то сбоку от двери. Там прилепилась малюсенькая синяя кнопочка, почти сливающаяся с такой же синей краской на стене.

– Теперь буду знать, – согласно кивнул я, – позвольте войти?

– Чего надо? – рука с грязным пальцем исчезла, дверь широко распахнулась, и передо мной предстала во всей своей красе обладательница коротких пальцев: невысокая женщина без возраста в замызганном сером переднике до колен и усталым лицом с включенными, отдающими ржавчиной волосами.

– Добрый день, а я сегодня дежурный врач. Вот прибыл на пробу.

– Ой, так вы дежурный доктор! Извините! А в графике стоит Ассениз. Проходите! Елена Петровна, тут дежурный доктор пришел! – завопила она уже кому-то в глубину камбуза.

Заведующая столовой оказалась атипичной на вид представительницей общепита. В моем сознании уже прочно укрепилось, что заведующая столовой – это всегда такая крупная тетка пудов на восемь с солидной попой, которую не скроет ни один халат, и с высоким накрахмаленным колпаком из-под которого кокетливо выбиваются закрученные на бигудях крашенные волосы. Елена Петровна Хвощ разрушила сложившийся стереотип. Передо мной вдруг возникла стройная интересная дама, довольно ухоженная и с неплохим маникюром. Рабочий халат сидел на ней, словно деловой костюм, и радовал глаз безукоризненной белизной и отсутствием выпирающих форм. А отутюжен куда лучше моего.

Елена Петровна радушно встретила меня и живо ввела в курс дела. Сейчас мне надлежало вооружиться ложкой и вилок да отведать на вкус подряд все блюда, приготовленные в тот день, а после взвесить порции на специальных весах и сравнить их вес с меню-раскладкой. Затем заполнить специальный журнал, подписаться и... основательно отобедать в специальной комнате. Из всего вышеперечисленного мне понравилось только последнее наставление.

В сопровождении дежурного повара я проследовал в варочный цех. Помещение, где готовили еду для больных военнослужащих, сияло чистотой и являло собой образец кухонного порядка. Быстро подойдя к первому пищеварочному котлу – этакой огромной кастрюлке на несколько десятков литров, повар заученным движением откинула массивную крышку в сторону, ловко увернулась от обжигающей струи пара, выпущенной наружу, и огромным черпаком загрела содержимое.

– Вам в тарелку плеснуть или ложкой пробовать станете? – остановила она дымящийся черпак над котлом.

– Ложкой, – вздохнул я, беря в руку столовый прибор, поданный помощником повара – немолодой уставшей женщиной с красными от хронического недосыпания глазами. – Вкусно! – оценил я предложенный гречневый суп.

– Соли не много? – настороженно поинтересовалась автор.

– В самый раз, – улыбнулся я, отдавая ложку ее ассистенту.

– Там еще второе и блюда на девятый стол, – улыбнулась в ответ женщина. – Попробуете?

Я вежливо отказался, сославшись на занятость, так как ходьба по кругу в столовой с никелированной ложкой в руке как-то плохо у меня ассоциировалась с работой врача-хирурга. Однако заведующая столовой ну никак не желала, чтоб я так просто покинул варочный цех. Еще надлежало взвесить порции.

– Давайте вы уж сами, – настойчиво попросил я, всем своим видом давая понять, что это занятие мне совсем не по нутру. – У вас все же богатый опыт, а я в этом деле дилетант.

– Требуют, чтоб дежурный врач контролировал, – мило так улыбнулась Елена Петровна.

– А я и не отказываюсь. Кладите на весы, а я рядом постою.

– Вот, – повар Ирина аккуратно опустила на чашу весов пару рисовых биточков. Дождалась, когда стрелка перестала дрожать и... достав фотоаппарат-мыльницу, уверенно навела на них объектив.

– Ба? – удивился я. – А это еще зачем?

– Щелк! – ярко вспыхнула вспышка, и биточки остались запечатленными на экране вместе с замершей стрелкой весов. – А мы все приготовленные блюда фотографируем и отсылаем по электронной почте в головной госпиталь, дежурному офицеру.

– Вы это сейчас серьезно? – я с нескрываемым любопытством посмотрел на стоявшую напротив заведующую столовой.

– Абсолютно серьезно! – кивнула в ответ мадам Хвощ и, убрав биточки, поставила на весы тарелку, наполненную дымящимся гречневым супом. – Борьба с хищениями!

– И как, успешно?

– Да, у нас и раньше краж никогда не было. А теперь их не может быть в принципе.

– Хм, однако довольно оригинальный способ бороться с хищениями, – я задумчиво посмотрел на весы и тарелку с супом. – Надо же до чего додумались.

Следом на весы угодили девятый диетический суп для диабетиков, рисовая каша для пятого стола и... Дальше я просто отвернулся, давая понять, что остальной процесс мне стал неинтересен. Неожиданно в варочный зал медленно вплыла среднего роста женщина с броской внешностью. Броской ее делала огромная смачная бородавка, надежно прилепившаяся на кончике носа, которую я поначалу принял за севшую туда отдохнуть муху.

– Так, живо тащите все назад на весы! – тоном, не требующим возражения, прошипела женщина. – Почему меня не дождались?!

– Так это, Вероника Егоровна, – замялась заведующая столовой, – дежурный врач уже здесь. Мы и начали.

– Какой дежурный врач?! – дама с мухой на носу презрительно смерила меня быстрым взглядом с головы до пят. – Вы что, забыли, что сегодня среда?!

– Так дежурный врач уже пришел, мы...

– Почему не дождались меня?! – грубо прервала ее оправдания Вероника Егоровна.

– Подождите. Я ровно в двенадцать начал снимать пробу. В чем тут криминал? Разве не я за нее отвечаю? – Я попытался прийти на помощь работникам столовой.

– Вы! Вы! – закивала Вероника Егоровна, гипнотизируя меня выростом на носу. – Но сегодня среда! А, как известно, по средам и субботам я всегда проверяю столовую!

– Это Подвывалова, – тихо зашептала мне на ухо повар Ирина, видя, как у меня от негодования расширились ноздри. – Наша госпитальная диетсестра.

– Да, вам правильно подсказывают – я диетсестра этого госпиталя! – в полуулыбке сказала Вероника Егоровна, приобнажив неплохие золотые коронки. – Именно я составляю, а соответственно и проверяю, меню-раскладку! Странно, что вы об этом не знали? Хотя, – она уже примирительно посмотрела на меня, – вы же у нас совсем недавно? И вас, видимо, еще не проинформировали?

– Да, Вероника Егоровна, – уже завстоловой пришла мне на помощь, – я забыла сказать доктору о ваших визитах. Моя вина.

– Ладно. Ладно, – смиловилась диетсестра. – Будем считать это лишь маленьким недо-
разумением, которое мы уже разрешили. Предлагаю вместе закончить взвешивание блюд.

Сославшись на исключительную занятость, я отказался участвовать в дальнейшем спек-
такле и постарался как можно скорее покинуть варочный цех.

– Где мне надлежит расписаться?

– Пойдемте, я покажу, – попыталась улыбнуться завстоловой, указав рукой на выход из
варочного цеха. – Заодно и отобедаете.

Комната для приема пищи дежурных врачей приятно порадовала. Высоченный, под пять
метров потолок, украшенный витиеватой лепниной, многозначаше указывал, что в старину
здесь не только пили и ели, но возможно, решали весьма важные и не очень вопросы. Огром-
ное, в полстены окно, укрытое снаружи ажурной решеткой с декоративными якорями, увен-
чанными пятиконечными звездами, выходило на широкий бурлящий проспект. Уличный шум
плохо проникал в комнату через закрытую форточку, но вид оставался потрясающий: проло-
женная сквозь старинные, дореволюционной постройки разного цвета дома магистраль еще
хранила на себе стальные полосы трамвайных путей. Вот как раз сейчас один из колоритных
представителей вымирающего вида транспорта громыхал под окнами госпиталя маленькими
колесиками, покачивая красными боками узких вагонов. Я невольно засмотрелся на него, про-
водя дребезжащие по рельсам вагончики растроганным взглядом.

– Вот, доктор, прошу вас, присаживайтесь сюда, – вернула меня к действительности заве-
дующая столовой, указав холеной рукой на круглый стол, занимавший чуть не половину ком-
наты.

Овальной формы раритетного вида обеденный стол, собранный воедино из нескольких
ценных пород дерева и покрытый красным лаком, мог легко накормить человек десять – две-
надцать. До того он был велик. Шесть стоящих по его периметру обычных стульев сварганен-
ных из тонких металлических трубок и крытых блеклым дерматином, вносили явный диссо-
нанс. Я невольно провел по столу рукой и, присев на ближайший стул, постарался заглянуть
под него, отыскивая глазами хоть какую-нибудь подсказку о возрасте деревянного старца.

– Он 1890 года выпуска, – с улыбкой подсказала Елена Петровна, перехватив мой пытли-
вый взгляд, шаривший сбоку стола и под ним. – Там, под крышкой, где-то прикручена неболь-
шая медная табличка.

– Здорово! Ручной работы стол, – я чуть зарделся, однако постарался не высказать своего
секундного замешательства. – А как давно он у вас?

– Не могу вам точно сказать, – пожала плечами завстоловой, – но за те десять лет, что
я тут работаю, стол все время стоит здесь. Говорят, он здесь еще до Великой Отечественной
войны был. У нас кто первый раз его видит, так непременно спросит, какого он года.

– Да-а-а, – уважительно протянул я, невольно любясь работой мастеров эпохи Алек-
сандра III. – Умели раньше мебель делать. Время не властно над тем, что сработано на совесть.

– Доктор, хватит лирики. Садитесь уже обедать.

– С удовольствием, – я пересел на соседний стул и оказался как раз напротив морского
пейзажа. Он был помещен в темную от времени, резную деревянную раму и висел на выкра-
шенной масляной краской в голубой цвет гладкой стене, метрах в двух от пола. Картина изоб-
ражала идущий сквозь ревущие серые волны на всех парусах старинный парусник под россий-
ским триколором, а за ним неотступно следовал ужасающий ураган, занявший весь задний
план полотна, готовый вот вот проглотить судно. – Айвазовский? – я скосил глаза в сторону
парусника.

– Да, – улыбнулась завстоловой, – торговый корабль, фрегат, пытается уйти от шторма.

– Почему же сразу торговый? Может, военный?

– А под таким флагом ходили только торговые суда, – со знанием дела произнесла Елена
Петровна. – И потом, у изображенного здесь корабля нет пушек.

– Ух, ты! – восхитился я, переводя взгляд то на заведующую столовой – знатока морской тематики, то на гибнущий на стене парусник. – Вы так хорошо разбираетесь в морском деле?

– Нет, что вы. Просто эта картина здесь также давно висит, и мы ее много раз со всеми обсуждали. И потом, не забывайте, что я все же заведующая камбузом.

– Надеюсь, не подлинник?

– Конечно же, нет. Чья-то неплохая копия. Ладно, вас чем накормить? Что вам больше всего понравилось?

Во время обеда, состоящего из знакомого мне уже гречневого супа и рисовых биточков с макаронами, я как следует огляделся по сторонам. Помимо понравившегося стола и копии картины Айвазовского, в дальнем углу комнаты стоял потемневший от времени ореховый буфет, заполненный фарфоровой посудой с логотипами госпиталя. Один набор потратили на меня.

Только я приступил к дегустации первого блюда, как входная дверь с треском отворилась и в комнату вплыла, да, да, именно вплыла диетсестра, горделиво неся облюбовавшую ее носородавку.

– Как вам у нас? – растянула она тонкие губы в жалком подобии улыбки, с ходу плюхнувшись плоским задом на соседний стул.

– Угу, – угрюмо промычал я наполненным ртом и прикрылся бумажной салфеткой, чтоб не так было заметно, как я работаю челюстями.

– Надо все тщательно взвешивать и проверять. Ведь за ними глаз да глаз нужен, – Подывалова покосилась на помощницу повара, ставящую перед ней дымящуюся тарелку с фрикадельками, предназначенную для диабетиков. – Тут только отвернись – тут же что-нибудь да стащат.

– А вы лично ловили несунув за руку? – я проглотил кусок ароматной говядины и с интересом посмотрел на собеседницу.

– Я, – замялась диетсестра, – лично никого пока за руку не ловила! Пока. Но, – она многозначительно посмотрела на меня, – все еще впереди. Это не происходило только потому, что я очень внимательно слежу за поварами. И всегда тщательно их контролирую и добросовестно проверяю и закладку, и выход готовых продуктов. Кстати, вам, как дежурному врачу, тоже нужно контролировать весь процесс приготовления пищи: от получения продуктов на складе до...

– Может, вы зря про них так плохо думаете? – как можно деликатней прервал я ее затянувшуюся тираду.

– Хотите сказать, что все повара исключительно честные люди?

– А почему бы и нет? – я отставил в сторону опустевшую тарелку и с аппетитом принялся за второе. – На меня они произвели лишь самое благоприятное впечатление.

– Э, нет! – она покачала у меня перед глазами бородавкой и откинулась на спинку стула. – Это при мне они такие тихие, а когда меня нет – они явно воруют. Я точно знаю – несут все, что плохо лежит. Просто пока не попадают. Я одна не могу их остановить. И, к сожалению, большинство дежурных врачей тоже смотрит на все безобразия, творимые на камбузе, сквозь пальцы. Вы понимаете, к чему я клоню?

Я согласно кивнул и уже молча продолжил доедать свое остывающее второе, не вступая в дискуссию. Что-то весь мне этот разговор стал откровенно надоедать. К концу трапезы дежурный повар шустро расставила на столе еще три чистых набора посуды. Я не успел спросить, для кого они предназначены, как в комнату с шумом ввалились подполковник Волобуев, майор Горошина и заместитель начальника госпиталя по административно-хозяйственной части Алексей Сергеевич Твердолобов.

Зам по АХЧ, сам в прошлом капитан первого ранга, когда-то командовавший бригадой подводных лодок на Камчатке, своим мощным видом напоминал одну из грозных субмарин,

вытащенных на берег. При появлении начальства Подвывалова переменялась в лице, заметно побледнев, неловко вскочила со своего места, громко скрипнув отодвигаемым стулом.

– Ну, как, Вероника Егоровна, – прищурился начальник госпиталя, – обстановка на камбузе?

– Все хорошо, Марат Иванович! – бойко затараторила диетсестра. – Проба снята, все взвешено, все вкусно и в предусмотренных пределах.

– Ладно, ладно, – замахал рукой Волобуев, останавливая словесный поток. – А вам, Дмитрий Андреевич, как? – он по-хозяйски развалился на вздрогнувшем под его тяжестью стуле за столом напротив меня.

Я не стал в красках расписывать свои ощущения от посещения камбуза, отделался лишь общими фразами, отметив свое присутствие в специальном журнале, написав, что обед приготовлен на «хорошо». Уходя, попросил Твердолобова не забыть о своем обещании починить розетки в палатах хирургического отделения. Он улыбнулся и, повернув ко мне голову, вернее не голову, а лицо, так как его короткостриженная седая голова покоилась на такой мощной и короткой шее, что там уже не разберешь, где она на самом деле заканчивалась, глухо пробурчал:

– Как только закончим с подвалом, сразу пошлю к вам электрика.

– Если к этому времени никого не шарахнет током! – громко, чтоб всем было слышно, произнес я в ответ, чем, вероятно, испортил разыгравшийся аппетит у честной компании. Но я уже об этом не узнал, так как тихо притворил за собой дверь и отправился в хирургию.

Сегодня был знаковый день: у нас, наконец, наладилась работа в операционной, и мы приступили к своим непосредственным обязанностям. Как раз заканчивал свои операции травматолог, и следующим на очереди был я – предстояло избавить двух юных матросов от паховых грыж. Как известно, время за работой летит не заметно. И к 17 часам, следующей своей пробе на камбузе, я изрядно проголодался.

На вечерней пробе диетсестра побывала раньше меня. Встретились с ней уже в дверях, где она выходила, а я входил в камбуз.

– Опаздываете, доктор, – она многозначительно посмотрела на свои круглые наручные часы, изготовленные из желтого металла со сверкающими стразами по периметру маленького циферблата, показывающего десять минут шестого. – Я уже без вас проверила камбуз. А должны были вместе.

– Поздравляю! Только смею напомнить, что я сюда все же хирургом устроился работать, а не ревизором, – с гордостью бросил я, проходя мимо нее. – Вот был, знаете, на операциях! На основной, так сказать, своей работе!

– Я вас прекрасно понимаю, – донеслось мне вслед, – только если вы не можете вовремя подойти на пробу, то в другой раз отправьте кого-нибудь вместо себя.

«Странно, кого я отправлю? – мелькнуло у меня в голове. – Если я дежурный врач?»

– Да вы можете любого доктора на отделении попросить сходить на пробу, – пришла мне на помощь дежурная повар Наталья, слышавшая наш диалог, приятная молодая женщина с симпатичным, но грустным лицом. – Многие так делают. Ведь, по сути, это простая формальность. Главное, чтоб в журнале была соответствующая запись и подпись дежурного врача.

– Выходит, – я вытер вымытые руки о свежее вафельное полотенце, любезно поданное мне поваром, – вас, по сути, только одна Подвывалова по-настоящему контролирует?

– Ой, что вы, доктор! – отчаянно замахала руками повар. – У нас тут столько контролеров, что только успевай уворачиваться, – она кисло улыбнулась. – Да, ладно бы еще во время работы проверили бы, а то... – она вдруг замолчала, потупив взор.

– А то что? – поднял я на нее свои глаза, оторвавшись от чудной картофельной запеканки, что источала передо мной тонкий аромат свежеприготовленного блюда.

– Могут еще и вне работы проверить, – собравшись духом, выпалила собеседница.

– Это как понимать?

– Очень просто. Вот не далее как вчера, когда я уже ушла с работы домой, так военные ревизоры, а они у нас почитай каждую неделю все чего-то проверяют, не поленились за мной погнаться. Уже на автобусной остановке нагнали и потребовали показать содержимое сумочки.

– И вы показали?!

– Показала. А куда деваться? Я, честно сказать, растерялась поначалу. Они вдвоем, два мордатых кабана, подбежали ко мне. Корочки свои красные сунули в лицо и потребовали открыть сумочку.

– Но вы же имели полное право отказаться, – покачал я головой. – Какое эти самые военные ревизоры имели право рыться в ваших вещах, да еще на улице, и вне госпиталя?

– Могла, – согласно кивнула Наталья. – И никакого права они не имели. Тут вы точно подметили. Но я в тот момент почти ничего не соображала. Я ужасно растерялась. Они ТАК на меня посмотрели.

– Веселые у вас тут нравы. Ничего не скажешь. А чего они хотели? Что вы в дамской сумочке кусок мяса унесете? Или свиной окорок?

– Да Бог с вами. Я за двадцать лет работы ни одного грамма продуктов со столовой не вынесла.

– Извините, я не хотел вас обидеть.

– Да ничего. Мы уже привычные. Народ наш как мыслит – раз работаешь в столовой, то обязательно рыльце должно быть в пушку! Обязательно чего-нибудь да упрешь из продуктов. Ведь так?!

– Лично я так не думаю.

– Вы, может быть, и не думаете, а другие еще как! Ох! Большинство людей считает, что если ты с продуктами хоть как-то связан, то не избежишь искушения. А ведь я и ничегошеньки не беру, – повар смахнула набежавшую в уголки глаз влагу и выбежала из комнаты.

Остаток ужина пришлось провести в гордом одиночестве. В голову лезли всякие нехорошие мысли относительно окружающей меня несправедливости. Встав из-за стола, я хотел пойти разыскать убежавшую женщину и хоть как-то ее успокоить. Но тут в кармане настойчиво зазвонил сотовый телефон и голосом дежурной медсестры призвал меня в приемный покой. Привезли инфекционного больного. Пришлось наскоро оставить след в журнале снятия проб и, чертыхаясь про себя, совсем не бодрым шагом направиться в приемный покой.

Перспектива заниматься инфекционными больными вызвала в моей душе немой протест и бурю негатива. Зачем мне, хирургу, принимать больных, мягко говоря, не по профилю. Но возмущайся, не возмущайся, а тут так поставлено. И вот я уже сижу за столом дежурного врача, а молодой упитанный сержант с медицинскими эмблемами в петлицах уже бойко докладывает, выкладывая передо мной медицинские книжки:

– Рядовой Турдайбегенов – ветрянка! Рядовой Бисбиканов – ветрянка! Рядовой Смолин – энтероколит! Разрешите идти?

– Стой! – хмурю брови. – Куда идти?

– Назад в часть, – наивно улыбается сержант, растягивая в стороны толстые рубиновые щеки. – Ведь вы же их госпитализируете? А меня машина на проходной ждет. Мне еще до полка часа три по темноте пилить.

– А ты уверен, что я их госпитализирую? – я демонстративно играю желваками, умышленно затягивая время, лихорадочно вспоминая, что же мне известно про ветрянную оспу и энтероколит. Растянувшаяся на три минуты пауза ничего не дала. В голову абсолютно ничего путного не лезло. Стоящий напротив сержант как-то сразу осунулся и стал нервно теребить в руках свою новенькую шапку.

– Товарищ доктор! Так вы сами на них гляньте! Вон у Турдайбегенова вся рожа и тело в характерных пустулах и везикулах. И Бисбиканов не лучше выглядит. А Смолин, простите, дрищет дальше, чем видит! По двадцать раз на дню!

– Пустулы, говоришь? – я провел суровым взглядом по сидевшим в ряд на жесткой кушетке бойцам, от чего они заметно съежились и потупили взор.

– Ага, пустулы. И еще везикулы, – военфельдшер согласно кивнул и небрежно подозвал к нам крайнего солдата со стриженной наголо шишковатой головой явно не европейского вида насаженной на тонкую шейку, закованную в широкий ворот армейского ПШ. – Турдайбегенов, ко мне! Гляньте, какие у него характерные волдыри на лице.

– Ты по-русски понимаешь? – окинул я взглядом худосочного азиата в мешковатой форме с заметными красными пятнами и похожими на мелкую светлую икру пузырящимися на скуластом лице.

– Так точно! Хорошо понимаю! – четко по-военному отрапортовал больной. – Я же университет в Кургане закончил.

– Сельхоз! – прищурился я, стараясь сквозь мрачный бледно-кофейный свет 60-ваттной лампочки разглядеть собеседника.

– Почему сразу сельхоз?! Филфак! Русский язык и литература!

– Да, ну?! – я уже с уважением посмотрел на солдата. – Русский язык и литература?!

– Так точно! Даже полгода успел в одной элитной гимназии преподавать!

– Не пожалели, значит, филолога?! – я покосился на напрягшегося рядом военфельдшера, замершего под моим тяжелым взглядом.

– А что вы так на меня смотрите? – поежился медик. – Это не я его в армию призывал! И, если хотите, я сам медицинский университет закончил! Врач-стоматолог по диплому! А вот теперь тут фельдшером тулюсь!

– А вы что закончили? – я перевел пытливый взгляд на остальных затихавших на скрипучей кушетке солдатиков.

– Я химик-технолог! Химия твердого тела! Санкт-Петербургский технологический институт! – уныло поведал Бисбиканов.

– Вологодская молочно-хозяйственная академия! Машины и аппараты пищевых производств! – с заметным вологодским оканьем выдавил из себя скрюченный в три погибели Смолин. – Разрешите выйти в туалет?

– Валяй! – кивнул я и вышел в коридор следом за ним. – Валентина Ивановна, – подозвал я к себе дежурную медсестру, пожилую женщину с мягким добрым взглядом, – у вас опыта побольше моего. Гляньте, пожалуйста, есть у бойцов ветрянки?

– Похоже, – тихо сказала мне медсестра, осмотрев кожный покров филолога и химика. – Надо их на инфекционное отделение срочно поднимать.

– Вот, а я что говорил, – вдруг просиял стоматолог. – Самая натуральная ветрянки! Товарищ врач, разрешите, уже поеду в часть? Уже вон ночь на дворе.

– Поедешь. Поедешь. Вот только специалист по молочным агрегатам из туалета вернется. Осмотрю его. И если будем госпитализировать, то отпущу тебя.

– Ну, товарищ доктор, – взмолился сержант, – мне же еще почти двести км ехать! Да энтероколит у него! С горшка не слазит!

– Отставить разговоры! – я громко перебил его и постарался перевести разговор в другое русло. – Ты вот лучше скажи, у вас в части много таких?

– Каких таких? – чуть не плача от досады, переспросил фельдшер.

– С высшим образованием?!

– Да, считай, процентов семьдесят. Военные же кафедры почти во всех вузах давно ликвидировали! Я же вот тоже с высшим образованием, а вынужден фельдшером служить.

– Странно. – Я нахмурил лоб и посмотрел на сконфуженного стоматолога. – Что же, министерство обороны без вас зачахнет?

– Не ко мне вопрос.

– Ну, что, даже не интересовался? Ведь государство тратило средства и время на ваше обучение, и вместо того, чтоб приносить пользу Родине, взяли и забрали лбы? Гм?

– Товарищ врач, разрешите уже убыть? – вновь заканючил сержант-стоматолог, жалобно посмотрев на меня.

– Дмитрий Андреевич! – вклинилась в диалог Валентина Ивановна. – Там у солдата такой зловонный стул! Мы не стали его смывать, чтоб вы сходили и посмотрели.

– А это так необходимо? – я брезгливо поморщил нос. – Никогда ничем подобным не занимался.

– Ну, обычно инфекционисты всегда смотрят на испражнения.

– Ладно. Езжай! – махнул рукой фельдшеру и сел за стол писать истории поступающих больных. Любоваться содержимым кишечника рядового Смолина я не стал.

Больных увели в инфекционное отделение. Страдая муками творчества, я пытался хоть что-то отобразить на бумаге по поводу ветряной оспы и энтероколита. Но как можно писать то, в чем совсем не разбираешься? Я эти заболевания изучал четверть века назад в институте, на кафедре инфекционных болезней. И в памяти сохранились одни названия, так как почти сразу забыл про их существование после сдачи экзамена по ним. Многократно чертыхнувшись про себя, я оторвал свою окаменевшую пятую точку от казенного стула и поплелся в комнату дежурной медсестры. Там стоял подключенный к интернету старенький компьютер, и за полчаса я с его помощью обогатил свой багаж знаний минимум на два заболевания.

Закончив с поступившими солдатами, я устремился на вечерний обход. Первым на пути у меня стояло терапевтическое отделение, расположенное на самом верху здания, на четвертом этаже, под крышей. С приемного покоя наверх вела широкая мраморная, лестница с литыми чугунными перилами по краям, пронзающая затхлый полумрак наступающей ночи снизу вверх подсвечиваемая всего одной сорокаваттной лампочкой на третьем этаже.

Мои неторопливые шаги монотонным гулом отзывались в пустом коридоре, ведущем на запасную лестницу между этажами. Ступив на выщербленные ступеньки первого этажа, я с ходу чуть не угодил под сухой дождь, состоящий из взвеси сероватой пыли и мелкого мусора, дозированными порциями сыпавшегося откуда-то сверху точно в лестничный пролет мне на голову. Отбежав в сторону и прислушавшись, уловил характерное методичной шуршание половой щетки о мрамор. Кто-то там наверху не особо старательно подметал лестницу, совершенно не заботясь о тех, кто в тот момент мог оказаться в самом низу, под уборщиком. Пока я сообщал, кто бы это мог быть, как вслед за сухим мусором, летевшим довольно густым потоком, пролилась и настоящая вода, грязной лавиной хлынувшая с четвертого этажа. Этому действу предшествовал металлический звук упавшего ведра.

– Эй, кто там хулиганит?! – что есть мочи заорал я, пытаюсь в полумраке рассмотреть наглеца.

– Ой, извините! У меня тут ведро случайно опрокинулось! – донесся сверху испуганный женский голос.

Я стрелой взлетел наверх и нос к носу столкнулся с незнакомой женщиной средних лет в форменном синем халате, с белой надписью «Славянка» на спине, пытающейся сморщенной серой тряпкой собрать в ведро разлившуюся по ступенькам лужу.

– Вы что здесь на ночь глядя грязь разводите? – грозно осведомился я у уборщицы, пытаюсь незаметно восстановить сбившееся от быстрого подъема дыхание.

– Наоборот, – попыталась улыбнуться смущенная моим внезапным появлением женщина, – я эту грязь убираю.

– Я воочию видел, как вы тут убираете! Сначала мусором чуть не завалили с ног до головы, а после водой окатили!

– Извините, доктор, ради Бога! Но тут так темно, что ничего не видно! Сами видите, какое освещение на лестнице! – она ткнула рукой в сторону третьего этажа, где притаилась единственная на всю округу электрическая лампочка.

– Так, а почему вы днем-то не моете, когда вполне хватает дневного освещения? Для чего нужно драить полы, когда на улице уже темно?

– Почему, – обиделась тетенька, – я с самого утра на ногах! Только вот до этого участка лишь к вечеру добираюсь! Я же одна мою!

– Вы что, хотите сказать, что одна (!) моете весь госпиталь?!

– Да! – выпрямилась уборщица, уверенно отжимая в ведро последнюю порцию собранной с пола воды. – Одна. Так то мы вдвоем с Наташкой, это моя напарница, моем. Но она сейчас на больничном, – давление у нее подскочило. Обещали подмогу прислать, но, как всегда, не прислали!

– А что солдатиков, из команды выздоравливающих выделить нельзя? Или вы не просили?

– Да что вы, доктор! – уборщица с отчаянием замахала нечистыми руками, едва не задев мой почти белый халат. – Сейчас военнотружущих срочной службы привлекать к уборке строго-настрого запрещено.

– Вот как? Значит, они гадят, а убирают гражданские тетеньки?

– Примерно так. Раньше тут все солдатики да матросики мыли-убирали. А сейчас наша клининговая компания «Славянка» всем занимается от «Оборонсервиса». Может, в спальных помещениях солдаты, и моют полы, а все остальное на нас повесили.

– На вас, – поправил я, имея в виду одинокую уборщицу, с понурым видом стоявшую передо мной. – И как у вас сил только хватает? Тяжело же?

– И не говорите. Голова прямо раскалывается. Да еще давление жмет. Я бы тоже ушла на больничный, но тогда тут точно все грязью зарастет.

– Это вы напрасно. Незаменимых людей нет. Раз болеете – идите лечитесь. Пришлют кого-нибудь вместо вас.

– Ага! Держи карман шире! Пришлют они! Мы вон с Алкой, это еще одна моя напарница была, в январе вдвоем зараз простудились и ушли на больняк. Нас две недели, почитай, не было. А когда вышли на работу, тут такой, прости Господи, срач стоял. Не знали, с чего начать! Две недели никто так и не убирал. А вы говорите, – уборщица, кряхтя, подобрала с пола ведро и поплелась в сторону терапии.

– Давайте помогу, – я бросился к ней, стараясь ухватить ручку тяжелого ведра.

– Нет! Спасибо! Я сама! Идите, куда шли! Я вот только на терапии воду поменяю и пойду дальше мыть.

– Как угодно, – я не стал навязываться, а обогнав ее, нажал кнопку электрического звонка расположенную справа от входа в терапевтическое отделение. И пока ждали дежурную медсестру, больше между собой не разговаривали.

– Строить будем? – прямо с порога, после обмена приветствиями, буднично поинтересовалась у меня довольно строгая дежурная медсестра терапевтического отделения.

– Чего строить? – не понял я.

– Не чего, а кого! Срочников строить будете?

– А надо? – пожал я плечами.

– Вы же дежурный врач! Должны построить всех военнотружущих срочной службы и проверить их наличие и внешний вид, узнать жалобы! И у нас двое температурят, 37,6! – с самым серьезным видом она напомнила мне обязанности дежурного врача по госпиталю.

– Стройте, – вздохнул я.

Через пять минут изломанная шеренга из мятых и испуганных парней в одинаковых коричневых пижамах и тапочках стояла на блестящем от включенного освещения центральном проходе перед моим суровым лицом. Я не спеша дошел до середины строя и медленно обвел всех присутствующих долгим и испытующим взглядом. Да-а, картина еще та, доложу я вам. Человек тридцать бледных и изможденных пацанов, стараясь не встретиться со мной глазами, исподволь изучали меня. А я их.

– Товарищ дежурный врач, – громко забубнил крепко сбитый розовощекий солдатик, уверенно стоявший на правом фланге и являющийся явным диссонансом своим жалким собратьям по несчастью, разгоняя своим звонким голосом повисшее в воздухе напряжение, – личный состав терапевтического отделения построен. В строю 32 человека. Отсутствующих нет. Доложил старшина Картузов.

– Картузов, – я напустил на себя еще более строгий вид, – а почему во-он те ребята, – я ткнул пальцем на приоткрытую дверь в ближайшую от строя палату, где сквозь широкую щель было хорошо видно двух валяющихся на кроватях молодых в ярких спортивных костюмах, – не в строю?! Тузы, что ли, местечковые? Или настолько тяжелобольные, что не могут встать в строй?

– Никак нет! Это же контрактники!

– Странно, – чуть усмехнулся я, – а что, контрактники уже не военнослужащие российской армии?

– Доктор, – полушепотом пришла на помощь Картузову медсестра, – контрактников, офицеров и прапорщиков строить не нужно!

– Это еще почему?

– Ну, не принято! Только срочников! Они же могут сбежать!

– А контрактники и прапорщики не могут? Картузов, давай ставь этих красавцев в строй!

– Доктор, – уже по-змеиному зашипела дежурная, – не надо! У вас могут быть проблемы! Вы у нас недавно, поэтому всего еще не знаете! Проверять нужно только военнослужащих срочной службы.

– Так что, строить «контрабасов» или нет? – лениво протянул старшина, переводя удивленный взгляд то на дежурную медсестру, то на меня.

– Не нужно, Вадик! – наигранно растянула она пухлые, некрашенные губы в подобии улыбки. – Доктор ошибся. Он у нас недавно. Ведь так, доктор?

– Ладно, Вадик, – я устало махнул рукой, – встань в строй! Раз «контрабасы» не подлежат построению, пускай дальше нежатся на кроватях. А, кстати, чем они страдают?

– Не могу знать! – четко, по-военному ответил крепыш Картузов.

– Они с бронхитом у нас лежат, – подсказала мне медсестра, подавая глазами знаки ближайшим к их двери солдатикам, чтоб те прикрыли дверь в палату контрактников.

Стоявшие в строю парни, по-видимому, не так поняли ее просьбу и широко распахнули дверь в палату с контрактниками. Валяющиеся на кровати «контрабасы» разом повернули на скрип открываемой двери головы. И увидав открытую дверь, шеренгу больных и меня в белом халате и строгим лицом, вмиг осунулись и принялись надсадно кашлять и хватать открытыми ртами воздух, показывая всем, как они больны.

– Бедняги. Открытие двери моментально вызвало необратимый приступ удушья у тяжелобольных, – сквозь едва сдерживаемый смех вслух произнес я.

– Вы не верите, что они на самом деле больны? – насупилась медсестра. – Хотите взглянуть на их истории болезни?

– Нет! Не желаю, – сухо отрезал я. Затем еще раз пересчитал находившихся в строю солдатиков и поинтересовался у них насчет жалоб.

Жалоб не оказалось. Я распустил строй. Осмотрел в палатах температурированных пациентов, ими оказались срочники с гайморитами. Оставил свой след в их истории болезни и направился к выходу.

– Вы к нам ночью во сколько придете? – казенным голосом спросила напоследок медсестра.

– А когда обычно другие врачи к вам приходят?

– Кто как. Кто в час ночи, кто в два! А есть и такие, – тут она понизила голос до шепота и с заговорщицким видом продолжила: – что и совсем не приходят.

– Посмотрим, – с задумчивым видом ответил я, а про себя отметил, что отношу себя к тем, что «совсем не приходят».

На покрытой ночным полумраком, отдающей сыростью лестнице встретила уставшая со слипшимися на лбу волосами уборщица. Она вялыми, но методичными движениями домывала пролет между третьим и вторым этажами. Работа, похоже, уже давалась ей с трудом: не ощущалось былого энтузиазма.

– О, а вы уже проверили терапию? – прервала она взмахи шваброй и тылом правой кисти оттерла со лба мокрую прядь. – Что-то быстро.

– А чего там сложного? – я замедлил движение и с удивлением посмотрел на уборщицу. – Построил, посчитал.

– Ну, не знаю, – женщина слегка улыбнулась, – иные врачи так проверяют, так орут, что на лестнице слышно.

– Орут?!

– Ну, да. Орут! У вас доктор есть, Павел Кузьмич, кажется он невронолог.

– Невролог, – поправил я. – Есть такой! Юное дарование!

– Невролог! – согласно кивнула собеседница. – Да, он заметно молод, но так орет, когда солдатиков строит. Так на них, бедных, кричит. Я на первом мою, а слышу, как он терапию на четвертом этаже проверяет. И всегда чуть не по часу!

– А что ж там можно так долго проверять?

– Да он все проверяет: матрасы переворачивает, в тумбочках роется, заставляет снимать неуставную одежду. Я же воду всегда в терапии набираю. С пустым ведром поднимаюсь на четвертый этаж, у них водой заполнюсь и мою! Потом в инфекционном уже, на втором этаже, меняю.

– И что? – мне стало интересно, и я остановился, чтоб послушать, как доктор Квашнин, он же Павел Кузьмич, застраивает солдатиков. С виду обычный рохля: постоянно опаздывающий на общепольничные конференции и с виноватым видом выслушивающий едкий разнос начальника. А тут, ба! Гроза военнослужащих срочной службы.

– А что? Ничего! Сначала всех построит, потом идет в палаты и начинает шерстить в палатах. Причем все швыряет на пол, а то и в коридор выбрасывает. А меня, как уборщицу, это очень коробит. Я пока воду в туалете наберу, он обязательно что-нибудь да выкинет. То трико какое гражданское, то кроссовки, то еще чего. А потом я ухожу, а через минут десять поднимается ор. А у вас как-то тихо все прошло.

– Ну, а еще кто из докторов так себя ведет?

– Да почти все. Вот кроме хирурга и травматолога. Те тоже как-то быстро обход делают. А иногда и вовсе не приходят. Или я просто их не вижу.

– И что, женщины-врачи тоже орут на солдат?

– Бывает. Ой, что-то я заболталась тут с вами, а дело стоит, – вдруг спохватилась уборщица и, разбрызгивая мутную воду, с остервенением сунула свою тряпку в стоявшее неподалеку ведро.

– Так все-таки кто из женщин-докторов кричит на солдат? – не сдавался я, едва увернувшись от потока грязноватых брызг, приснувших из ведра.

– Ой, ничего я не знаю! – еще больше смутилась женщина и принялась со знанием дела тщательно отжимать тряпку, перестав смотреть в мою сторону. – Забудьте все, что я вам сейчас наговорила. Забудьте!

– Да ладно. Не переживайте вы так, – как можно мягче сказал я. – Уж доносить на вас точно не стану.

– Хорошо, доктор. Идите уже! Не мешайте работать! – не поднимая головы, быстро произнесла уборщица и, отработанным движением накинув отжатую тряпку на перекладину швабры, принялась с остервенением скоблить выщербленный местами мрамор.

– Строить будем? – традиционным вопросом встретили меня в инфекционном отделении. Свое, хирургическое отделение, располагающееся на третьем этаже, я намерено пропустил.

– А как же! – напустив на себя грозный вид, ответил я. – И строить, и тщательно рыться в личных вещах больных и постельном белье будем! И искать запрещенную гражданскую одежду стану! И домашнюю еду из тумбочек сейчас извлеку на свет божий! Давайте! Живо стройте всех больных на центральный проход!

– Да тут Павел Кузьмич позавчера дежурил, – взволнованным голосом ответила побледневшая молоденькая медсестра, – все как следует перетряхнул! Вряд ли вы после него что еще найдете.

– А я что, похож на человека, которому нравится рыться в тумбочках и под матрасами? – широко улыбнулся я и подмигнул опешившей девушке.

– Не знаю. Я вас первый раз вижу, – неуверенно ответила она и с усилием раздвинула тонкие, бескровные губы в жалком подобии улыбки. – Так вы и тумбочки будете проверять?

– Расслабьтесь. Ничего мне этого не нужно. Не собираюсь я рыться в чужом исподнем. Я, простите, в ваш госпиталь врачом устроился, а не ищейкой. Поэтому просто постройте личный состав, проверю бойцов и кто у вас под наблюдением. А что вы так на меня странно смотрите? – я перехватил недоуменный взгляд медсестры. – Да, я в самом деле не собираюсь устраивать обыск и демонстрировать свою значимость.

– Нет! Нет! Все нормально. Только вот у нас с местами проблемы. Всего два осталось, под кишечные инфекции. Ветрянку больше принять не смогу, – спохватилась девушка, оказавшаяся Мариной. – Сейчас живо всех построю. А под наблюдением у нас сегодня никого нет. Вот только вечером поступили...

– Я их в приемном покое видел, – деликатно прервал я ее. – Уже успел пообщаться.

Инфекционное разительно отличается от других отделений госпиталя. В нем выделены особые палаты, именуемые «боксами», снабженные индивидуальными туалетами и кранами для умывания, призванные сохранять автономность находящихся в них пациентов с заразными инфекциями. Но сейчас принцип разделения инфекционных больных по диагнозам, мягко говоря, не соблюдался. Ветряная оспа лидировала, и мест для больных ею катастрофически не хватало. От чего все палаты, включая и боксы для больных с кишечными инфекциями, оказались переполненными пациентами с этой «детской» болезнью.

Передо мной на центральном проходе затаив дыхание замер строй странных людей с необычно зелеными лицами. Подойдя поближе, я увидел сплошную зеленую полосу вместо привычных человеческих лиц. Так густо оказались они покрашены знаменитым раствором бриллиантовой зелени. Складывалось ощущение, что всех пациентов буквально с головой окунули в этот лечебный раствор и надолго задержали в нем. Инфекционное отделение отложилось в моей памяти специфическим запахом, напоминающим только что отмытый галльон, и обилием людей с зеленой кожей.

Тусклый желтоватый свет над центральным проходом еле озарял унылые лица больных военнослужащих. Но, признаюсь, смотреть на них с серьезным видом оказалось делом не про-

стым. Уж настолько неестественными выглядели их невеселые физиономии, раскрашенные в ядовито-зеленый цвет.

– Кто же вас так, ребята, отделал? – спросил я у двух крайних зеленорожих солдатиков.

– В смысле? – недоумевая, переглянулись между собой зеленолицые парни, словно видели друг друга в первый раз.

– Кто, спрашиваю, вас так добротнo размалевал?!

– Да никто! Мы сами! Нам сказали смазать зеленкой пораженные участки кожи. Мы вот и смазали.

– Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет!

– Чего?!

– Аккуратней нужно было, – улыбнулся я.

– Так им все равно тут еще долго лежать, – попыталась заступиться за солдатиков медсестра. – А к выписке зеленка смоется, а одежда отстирается. Зато не убегут никуда. С такими-то рожами их в два счета вычислят.

– Это точно, – вздохнул я и вдруг заметил в строю одно лицо, выделявшееся на общем фоне. Вместо густой зелени на нем небольшими, аккуратными точками цвета свежей травы были обозначены места воспаления. – Как фамилия, боец?

– Долгополов! Рядовой Долгополов!

– А почему у тебя, Долгополов, лицо не размалевано, как у твоих товарищей?

– Так это, товарищ доктор, я же сам, перед зеркалом зеленкой кожу обрабатывал. А другие товарищей просили.

– Ясно. Молодец. А товарищи, значит, постарались на славу? – я обвел зеленорожий строй уничижительным взглядом. Больные, потупив взор, принялись рассматривать кто линолеум на полу, кто стену за моей спиной. – А что, – я повернул голову в сторону растерявшейся медсестры, – вы сами разве не обрабатываете бриллиантовой зеленью пациентов?

– У нас работы много! – насупилась девушка. – Отделение рассчитано на тридцать человек, а уже лежит сорок один! Я физически не успеваю! Вот даем им бутылки и ватные палочки, и они себя сами намазывают. Я же не виновата, что они такие бестолковые, – медсестра метнула глазами короткие молнии в замерший перед ней строй.

– А что, когда у вас перебор больных, вам разве еще одну сестру не выделяют?

– Фи! – скривила она тонкие губы на красивом личике. – Выделят! Как же! Жди! За такую зарплату кто сюда пойдет?!

Внезапно в кармане моего халата дал о себе знать мобильный телефон. Меня срочно вызывали в приемный покой. Привезли сразу шесть больных с ветряной оспой из Военно-космической академии имени Можайского. Я не стал продолжать наш душевный разговор, а распустил строй и бодрым шагом направился к выходу.

– Доктор, – Марина догнала меня почти у самых дверей, – учтите, у меня только два места! И так дополнительные кровати в палаты поставили, чего уж никак нельзя делать! Ни в одни санитарные нормы не укладывается!

– И как быть? – я с растерянным видом посмотрел ей в глаза. – Куда же я дену инфекционных больных? Не в хирургию же их класть?

– Тут бывает, что и в хирургию кладут.

– Это как?!

– Очень просто! Когда мест нет во всем госпитале, занимают хирургические койки.

– Но это же полное безобразие! Как можно госпитализировать инфекционных больных на другие отделения?!!

– У нас все можно. Обычно если места в нашем отделении заканчиваются, то вначале начинают заполнять кожное отделение. Да вы начмеду позвоните. Он вам все подскажет.

– Я позвоню. Только не начмеду, а прямо Волобуеву! Только прежде больных посмотрю! Может, там еще и нет никакой ветрянки!

Будущие космонавты, доставленные в приемный покой госпиталя, оказались все как на подбор рослыми и крепкими ребятами. У меня еще мелькнула мысль, как же они вовнутрь ракеты залезать станут. Но они меня разочаровали: космонавтами из них станут лишь единицы. Остальные будут служить в военно-космических войсках на различных, чаще технических, должностях. Но на сегодняшний день они все поголовно кандидаты в инфекционное отделение. Ибо на их коже какие-то красные пятна и пузыри. Я, разумеется, не спец по инфекционным болезням, но и то своим скудным умишком дежурного докторишки понимаю, что назад в Академию их отправлять не стоит. Да, но профильных мест всего два, а их шестеро?

У военных есть непреложное правило: в определенное время звонить своему начальнику или лицу, его замещающему, и докладывать о состоянии дел на вверенном объекте, независимо от дня недели и времени года. В госпитале дежурный врач, если все спокойно, докладывает дважды в сутки: в двадцать один ноль ноль и в восемь ноль ноль. При чрезвычайной ситуации – сразу. На моих часах девять часов пополудни – набираю номер начальника госпиталя.

Мой звонок, похоже, оторвал подполковника Волобуева от просмотра сновидений. Но служба есть служба, тут хочешь не хочешь, а нужно выслушать доклад, узнать, в очередной раз за сутки, сколько на каком отделении народа и как протекает дежурство. Сонным голосом он велел всех вновь поступающих с ветряной оспой укладывать в кожное отделение. Пока докладывал, привезли еще двоих курсантов из академии Можайского со схожими симптомами: красные, пятна, пузыри...

Освободился лишь к полуночи. Пока осматривал больных, пока заполнял истории болезни, пока знакомился в интернете с ветряной оспой и ее лечением, наступила глубокая ночь. Неохваченным оставались три отделения: реанимация, неврология и кожное отделение, в которое я направил сразу восемь человек, сохранив в инфекционном отделении два места под кишечные инфекции. Так, на всякий случай. Ведь до конца дежурства оставалось еще девять часов.

В реанимации больные в тот день отсутствовали, оттого строить и проверять личный состав было излишним. Моя согбенная фигура белым комком скользнула на затканную в непроглядную темень пригоспитальную территорию, пытаюсь отыскать в ней тропинку, ведущую к отдельно стоящим зданиям неврологического и кожного отделений. По закону подлости ни один из уличных фонарей не работал, и я, подсвечивая себе дорогу крохотной лампочкой в мобильном телефоне, продвигался, чуть ли не на ощупь, как мне казалось, в нужном направлении.

На мое счастье, подул пожалевший меня крепкий ветер, разогнав закрывшие ночное небо свинцовые облака. И из-за сердитых туч яркой подковой блеснул улыбнувшийся мне месяц. Тут стало ясно, что таким макаром я никогда не попаду в нужные здания. Ибо я упорно шел по кругу вдоль госпитального забора, совсем в обратном направлении. Силуэты искомых зданий, одноэтажными темными брусками вынырнувшие из ночного мрака, остались где-то далеко сзади. Чертыхаясь, я живо повернул назад и, рискуя сломать себе ноги о какие-то колдобины и рытвины, рассыпанные кем-то недобрым у меня на пути, рванул к ближайшему от себя строению. И как раз вовремя. Ветер стих, обрадованные тучи вновь скрыли от меня ночное освещение, заткав своими рыхлыми черными тушами остатки луны. Но я уже стучал в широкую дверь с надписью «Неврологическое отделение».

– Строить будем? – стандартным вопросом ответила мне позевывающая медсестра, кутая в теплый пуховый платок свое сдобное тело.

– Нет! Поздно уже! – короткими фразами остудил я ее странноватый порыв. Узнав, что больных под наблюдением нет и все на месте, я короткими перебежками, под светом фонаря,

любезно включенного над своим подъездом медсестрой неврологии, добрался до кожного отделения.

Сразу отмел напрочь предложение сотрудников дерматологии построить в ночи личный состав и проверить их внешний вид. Ну, какой внешний вид у человека в такое время суток? Сонный. Убедившись, что направленных мною больных с ветрянкой разместили и обогрели, я убыл в свое отделение.

Природа вновь благоволила мне. Вынырнувший из-за Невы подгулявший ветер вновь расчистил затянутый тяжелыми тучами небосклон. Освободившийся из плена месяц весело подмигнул мне, позволив беспрепятственно добежать до главного корпуса и скрыться под сенью толстых стен...

– Вопросы к дежурному врачу будут? – Волобуев проницательным взглядом обвел собравшихся в конференц-зале врачей.

– Будут! – с вызовом отозвалась временно исполняющая обязанности заведующего кожным отделением Ирина Эммануиловна Розенблюм, подполковник медицинской службы в отставке. – А скажите, уважаемый доктор Правдин, почему вы, будучи дежурным врачом, не осмотрели больных с температурой на нашем кожном отделении? Ведь дежурная медсестра говорила вам, что у Чебыкина с пятой палаты и у Гаврилова в первой вечером было тридцать семь и шесть!

– Не посчитал нужным будить этих больных в час ночи! – устало произнес я, переминаясь с ноги на ногу стоя за трибуной для выступлений. – Температура не критичная, тем более у больных с ветряной оспой это допустимо.

– Дмитрий Андреевич, это что за разговор?! – начальник госпиталя в упор строго посмотрел на меня, заиграв желваками. – Вы разве не знаете мой приказ – смотреть всех больных с повышенной температурой?!

– Нет, – честно признался я. Отсутствие полноценного сна давало о себе знать – реакция была замедленной. Я поздно лег. Опоздал на завтрак и еле-еле успел заполнить кучу журналов в приемном покое о сдаче дежурства. Правда, успел отзвониться Волобуеву в восемь ноль ноль и доложить о состоянии дел в госпитале.

– Плохо! – он покачал головой и, отведя от меня свой тяжелый взор, обратился к замершей в страхе аудитории. – Доктора, я еще раз напоминаю, что все пациенты с температурой выше 37 градусов осматриваются дежурными врачами. Доктор Правдин у нас недавно, поэтому на первый раз его прощаю, но остальным пощады не будет! – Тут он дополнил свое изречение неприличным выражением и громко бухнул кулаком по крышке стола, за которым сидел.

– А я считаю, что это безобразие! – не унималась Розенблюм. – Доктор Правдин должен был осмотреть этих пациентов.

– Извините, коллега, – я как можно ласковей посмотрел на Ирину Эммануиловну, – я понимаю, что вас гложет обида, что я вам заложил столько больных с ветряной оспой. Но поверьте, все с ведома начальника госпиталя!

– А что за проблема?! – Волобуев так зыркнул на дерматолога, что та тут же залилась горячим румянцем. – Да, это я приказал класть больных к вам в отделение! Инфекция переполнена!

– Все понятно, Марат Иванович! – быстро залепетала доктор Розенблюм. – Вопросов больше не имею!

– Разрешите, я пойду? У меня больной на операционном столе, – тихо обратился я к Волобуеву. И получив разрешение в виде легкого кивка головы, не оборачиваясь, покинул душный зал. Первое мое дежурство в качестве дежурного врача по госпиталю вроде как благополучно завершилось.

Осмотр генерала

Именно в городе на Неве расположен штаб Западного военного округа. Потому как Санкт-Петербург является столицей этого самого округа. Штаб расположен на главной площади города – знаменитой Дворцовой. А в штабе том, как и положено, служат разные важные военные шишки. В том числе и генералы с красными, и не только, лампасами на форменных брюках с острыми стрелками. И, представьте себе, генералы тоже иногда болеют. И даже не совсем почетными болезнями. Вот с одним таким генералом пришлось мне как-то пообщаться. Но начну все по порядку.

Ярким погожим весенним утром, когда петербургское небо блистало бирюзовой чистотой в розовых лучах восходящего солнца, я в отличнейшем расположении духа пружинистой походкой вышагивал на работу. Утренняя прогулка по старинным улицам города усиливала лирическое настроение. Залюбовавшись живописнейшим пейзажем закованной в гранит, умытой ночным дождиком набережной реки Фонтанки, я не заметил, как в моем кармане ожесточенно забился в диких судорогах вибрации мобильный телефон.

– Дмитрий Андреевич, где вас черти носят? – зло прохрипел в трубку подполковник Волобуев.

– Как где, Марат Иванович? Иду на работу! – несколько удивившись такому обращению, как можно спокойней ответил я. – А в чем дело? До начала рабочего дня еще добрых тридцать минут. Минут через десять уже буду на месте!

– Дмитрий Андреевич, – голос начальника госпиталя принял уничижительно-просящий тон, – я вас очень прошу: постарайтесь прибыть вовремя!

– Да я и так буду на месте на двадцать минут раньше! А в чем такая спешность?

– Да там генерал Сизоносов из штаба Западного военного округа сейчас к вам подъедет на консультацию! Слышали про него? Он с самим командующим на короткой ноге. Вы уж не подведите, не ударьте лицом в грязь! Вот как раз где-то с девяти до десяти утра он будет у вас. Я вас умоляю: не подведите!

– Так, а что с генералом случилось?

– Не знаю! Мне вот только сейчас позвонили, просили оказать содействие – показать лучшему специалисту! Я порекомендовал именно вас!

– Спасибо за доверие, но все же скажите, чем он болеет?

– Не знаю! Генерал вам сам все расскажет! – скороговоркой прорычал в трубку Волобуев и сразу же отключился.

– Дмитрий Андреевич, это Горошина! – суровым голосом начмеда телефон продублировал просьбу – приказ Волобуева осмотреть генерала.

Признаться, меня уже потихоньку начинала раздражать эта мышьяная возня. Приедет – посмотрим. Чего загодя нагнетать обстановку? С такими мыслями я уже почти дошел до госпиталя, как вдруг мое внимание привлек забавного вида корабельный буксир, издав далеко напоминающий списанную за ветхость огромную калошу, горделиво проплывающий мимо меня по темным, почти чернильным водам Фонтанки. Сам маленький, краска на приземистых бортах облупилась: висит какими-то желтоватыми лохмотьями. Мятая труба над крохотной рубкой с замызганными иллюминаторами чуть скошена на правый бок, и из нее непрерывной струей вьется густой черный дым, оседающий грязными хлопьями на скошенной под прямым углом корме, из-под которой с громким плеском пенится мутная вода. Ржавая палуба загромождена разным хламом. Но по правому борту гордо сияет выведенная крупными белыми буквами кричащая надпись «Грозный». Причем видно, что прорисовывали каждую букву с особой тщательностью.

Я заметно замедлил шаг, а затем и вовсе остановился и принялся с интересом наблюдать, как трогательного вида «Грозный» упорно расталкивает тугую маслянистую воду своим ветхим, дребезжащим от работавшего двигателя корпусом. Заглохнет или нет? Как удастся такой доисторической посудине держаться на поверхности, да еще и плавать? Похоже, имя и вправду много значит для корабля.

– Доктор, вы где? – трагическим голосом старшей медсестры опять запричитал телефон, прервав цепь моих умозаключений и оторвав от необычного зрелища. – Вы знаете, что к нам сейчас в отделение генерала привезут на осмотр?!

– Знаю, – как можно спокойней ответил я. – Вы уже третий человек, кто за последние три минуты мне об этом говорит.

– Я, между прочим, с семи утра на отделении! – с обидой в голосе отозвалась Елена Андреевна.

– А для чего?

– Как для чего?! К нам же генерал приезжает! Меня в шесть утра из кровати выдернули! Это вы на все забываете, хотя вы заведующий отделением, а не я!

– Ну, вы это зря! Как мне сообщили, так сразу и помчался в хирургию! Я же не виноват, что вам раньше, чем мне, позвонили. И потом, он все же ко мне приезжает, а не к вам. Вы-то чего так страдаете?

– Хм! К вам. Он, уважаемый заведующий, вообще-то к НАМ на отделение едет! И потому там должен быть идеальнейший порядок. А у сестры-хозяйки, прости Господи, в кладовке бардак и срач!

– Вы что, думаете, что генералу больше нечего делать, как по разным там кладовкам заглядывать? Он на прием едет! На при-ем! – по слогам произнес я, про себя усмехаясь от такого усердия.

– Все, доктор, мне больше некогда разговаривать, надо еще проверить, как солдаты в палатах прибрались. Мы вас ждем!

Я не стал возражать, тем более что находился в тот момент аккурат напротив госпиталя, а до начала рабочего времени еще оставалось целых двадцать минут. На работе буду вовремя, а генерал, если раньше появится, то, ничего страшного, подождет – не велика фигура! Подумаешь генерал, тут вон такой кораблик раритетный по Фонтанке пыхтит, когда еще такой случай представится его посмотреть?

Через пятнадцать минут я пересек ворота КПП. У «вертушки» меня встретил, с ходу отдав честь, одетый по полной форме больной Петров. Он взволнованным голосом сообщил, что в госпитале большой «шухер» по поводу приезда важного чина. И что старшая сестра уже раз десять звонила на КПП, желая узнать, пришел ли я на работу. Я согласно кивнул и молча ступил на госпитальную землю.

Еще минуту назад над моей головой светило ласковое весеннее солнце, согревавшее все живое своими теплыми ободряющими лучами, беззаботно чирикали шустрые, вездесущие воробы, а умытые ночным дождем, воскреснувшие от долгого зимнего сна деревья приветливо шелестели набравшими силу молодыми листочками, и тут – бац! Все враз сразу померкло. Гробовая тишина и состояние невидимого глазом некоего напряжения встретили меня по ТУ сторону забора. На территории госпиталя, чувствовалось, в воздухе витал тихий ужас. Ни одного человека не видно вокруг. Казалось, что и птицы не осмеливались распевать свои задорные песни, а деревья на госпитальных аллеях отказались играть с ветром в чехарду незрелыми молодыми листочками. Даже мухи, вылезшие из своих зимних квартир, перестали жужжать и носиться как угорелые возле источающего чарующие запахи камбуза. Все живое, кажется, здесь было подчинено одному неординарному событию: приезду важного крупно-звездного чина с красными лампасами на форменных штанах.

– Дмитрий Андреевич, где вас только носит?! – вместо приветствия с ходу набросилась на меня Генриетта Самуиловна Выжигина, главная медсестра госпиталя, едва я перевалил порог отделения. Эта высокая, сухопарая дама, гордо носившая свою выкрашенную в пепельный цвет овальную голову на тонкой, практически негибавшей шее, была насквозь пропитана едкой желчью абсолютного превосходства. Всех окружающих она считала тупыми и ограниченными индивидуумами, поэтому старалась разговаривать с большинством подчиненных через губу и, не поворачивая головы, изучая своего собеседника одними излучавшими глубокое презрение глазами.

– А вы кто такая, чтоб я перед вами отчитывался?! – тут же с порога осадил ее непозволительный тон. – И с каких это пор заведующий хирургическим отделением стал контролироваться главной сестрой госпиталя? Идите лучше и занимайтесь своими непосредственными делами!

– А я как раз своим делом и занимаюсь, – уже более примирительно отозвалась Выжигина, прикусив от досады губу. – Вы разве не знаете, что к вам вот-вот генерал Сизоносов из штаба Западного военного округа нагрянет?

– Знаю! Вы уже пятая, кто мне об этом говорит, за последние полчаса! А в чем проблема? – я глазами указал на наручные часы, изящным золотым браслетом окольцевавшим ее левое предплечье. – Вы на время взгляните, у меня еще минут десять остается до начала рабочего дня!

– Я все понимаю, Дмитрий Андреевич, – заюлила она вокруг меня, – но мы тут все, – она обвела сердитым взглядом испуганных солдатиков, отчаянно драивших волосняными щетками пол и стены, покрытые густой шапкой мыльной пены, и озадаченную старшую сестру отделения, руководившую процессом, – уже с семи утра на ногах и наводим порядок на, заметьте, вашем отделении. А вас, простите, все нет и нет. Вы считаете это нормально?

– Да! Считаю абсолютно нормальным! Если перед визитом каждого пациента мы начнем так интенсивно суетиться, то, – я кивнул на работавших в поте лица больных, – очень скоро сотрем стены на нет! Из-за чего этот весь сыр-бор? Ну, генерал. Ну, приедет. Так он же на прием ко мне едет, а не госпиталь инспектировать!

– Вы так на самом деле считаете?! – она надменно сдвинула к переносице брови и заиграла желваками.

– Я что, похож на человека, который разбрасывается своими словами? Я на самом деле считаю, что то, чем вы тут сейчас занимаетесь, полный абсурд! – я поморщился от витавших в воздухе густых паров растворенного в воде стирального порошка и демонстративно высморкался в носовой платок.

– В таком случае я буду вынуждена доложить о вашем отношении к происходящему начальнику госпиталя! Тем более что это его приказ привести ваше отделение в надлежащий вид.

– Докладывайте, – пожал я плечами и под уничтожающим взглядом, буравящим мне спину, проследовал к себе в кабинет. – Елена Андреевна, – я выглянул из-за двери, – а вам что, особое приглашение нужно? Давайте на утреннюю конференцию!

– Вы, Дмитрий Андреевич, сейчас были не правы! – с некоторой долей возмущения в голосе начала диалог старшая сестра, усаживаясь на ближайший к двери стул. – К приезду любого высокого чина на отделении проводится генеральная уборка.

– Да бросьте вы тоже ерундой заниматься! – я устало махнул рукой и сел за свой стол. – Генералу что, больше нечем заняться, как проверять чистоту и порядок в хирургическом отделении? Он же, поймите, на осмотр едет! На ос-мотр! – уже по слогам произнес я. – И вообще, у нас никогда бардака не было! Ибо у нас хирургическое отделение все же!

– Ладно, Дмитрий Андреевич, давайте сегодня без меня конференцию проведете! – Гладышева быстро вскочила со стула и машинально одернула халат. – Нам еще нужно гипсовую комнату убрать и у сестры-хозяйки в кабинете порядок навести!

Елена Андреевна, вы что, на полном серьезе считаете, что у больного генерала возникнет непреодолимое желание проверить гипсовую комнату и посчитать чистое белье в кабинете у сестры-хозяйки? Право слово – это смешно!

– Пускай и смешно, зато я выполняю приказ Волобуева! Я пошла доделывать начатую работу, а вам пришлю дежурную смену и врачам скажу, чтоб уже заходили. На часах без пяти девять!

– Дмитрий Андреевич, что там у вас происходит?! – с металлическим оттенком голос начальника госпиталя в моем мобильном телефоне прервал утреннюю конференцию. – Вы готовы принять генерала Сизоносова?

– Так точно! Готовы! – с уже нескрываемым раздражением громко гаркнул я в трубку.

– А мне там люди докладывают, что вы саботируете наведение порядка в отделении!

– Марат Иванович, вот тот, кто вам докладывает, по моему глубокому убеждению, как раз больше всех и саботирует! У нас на хирургическом отделении и так постоянно бетонный порядок! А вот привлечение военнотружущих срочной службы к авральным работам, да еще и по совместительству больных нашего отделения, может повлечь за собой неприятные последствия! Вдруг кто из бойцов возьмет, да и домой позвонит, да мамке наядбедничает, что его тут пол и стены заставляют драить из-за приезда Сизоносова! А те, в свою очередь в комитет солдатских матерей наступчат. Как тогда быть?

– Хорошо, я сам поговорю с Генриеттой Самуиловной, – смягчился Волобуев, – но и вы не подкачайте!

– Не подкачаем! – в очередной раз заверил я и повесил трубку.

– Да-а-а, у нас все так, – зевая, протянул травматолог Князев. – Как какой-нибудь шишкарь пожалует, то сразу же начинается излишняя беготня. Вон даже запретили всем моим больным на физиопроцедуры идти. Так как надо в другое здание переходить по улице, а идти нужно через весь двор. Всех больных завернули назад.

– Безобразие, – я покачал головой. – Приезд одного важного чина парализует работу целого большого учреждения.

– Военные, – еще интенсивнее зевнул травматолог, прикрывая рот широкой ладонью. – Что с них взять? Привыкайте уже.

– Боюсь, что вряд ли когда к такому привыкну.

Завершив конференцию, я решил проверить, чего там наворотили в отделении солдатики под руководством главной сестры. Хирургические операции с моим участием все равно отодвинулись на неопределенный срок. Нужно было чем-то заполнить образовавшийся рабочий вакуум.

Только вышел из кабинета в коридор, как по глазам резанул специфический запах стирального порошка и еще чего-то дезинфицирующего. Группа драилыщиков стен, закончив работу в коридоре, перешла в ванную комнату, а мерзкий, удушающий запах так и остался висеть в воздухе наворачивающим на глаза слезы маревом.

Как я и ожидал – всюду царил идеальнейший порядок. Кровати в палатах заправлены с натягом покрывал до состояния готового к стрельбе лука, все лишнее, неуставное с и из тумбочек выкинуто безжалостной рукой Выжигиной в огромный пластиковый пакет, который щуплый матросик уже с трудом волок по блестящему безукоризненной чистотой полу к черному входу. Дежурная медсестра торопливо протирала конторку на посту влажной тряпкой, главная сестра впихивала в ящик стола последний рабочий журнал, покоившийся сверху.

– Так! Здесь все закончили, теперь живей дуйте в процедуру! – надтреснутым голосом приказала главная сестра госпиталя выбежавшей из гипсовой комнаты раскрасневшейся стар-

шей сестре отделения с приличным мешком мусора в руках. – Там у вас лекарства неровно сложены.

– Вы что? Считаете, что генерал и в процедурку сунется? – обозначил я свое присутствие. – И начнет проверять, ровно или нет коробки с лекарствами выстроены в шкафу.

– Кто его знает! – скрипнув зубами, недовольно пробурчала Выжигина и демонстративно отвернулась от меня. – Нужно еще в перевязочную глянуть!

– Дмитрий Андреевич, шли бы вы отсюда, – зашептала мне на ухо старшая сестра, косясь в сторону Генриетты Самуиловны, уже направившей свои тяжелые шаги в сторону перевязочной. – Что вы все на рожон лезете? Вы что, не знаете, что она тут в госпитале серый кардинал. Оно вам надо с ней ссориться? Она же все Волобуеву доложит. А он ее, как маму родную, слушает.

– Елена Андреевна, позвольте, я сам решу, как и с кем, мне себя вести, – как можно приветливой ответил я старшей сестре. – Пока я еще заведующий этим отделением.

В этот самый момент из перевязочной комнаты с малиновым лицом, по которому градом текли крупные слезы, словно ошпаренная выбежала Татьяна Михайловна Самойлова, наша перевязочная медсестра. Милейшая, надо сказать, женщина, больше тридцати лет отдавшая работе в операционной и перевязочной и не имевшая за все время не то что нареканий, а даже устного замечания. Редкая умница и отличный работник, очень всегда доброжелательная и с неподдельным состраданием относящаяся к больным... На службу каждый день приходила на час раньше, чтоб тщательно подготовить рабочее место, и уходила домой только тогда, когда все больные перевязаны и вокруг все сияло чистотой и порядком. Увидев нас в коридоре, она остановилась и нерешительно посмотрела на меня и старшую.

– Татьяна Михайловна, что случилось? – я первым сделал ей шаг навстречу.

– Все в порядке, Дмитрий Андреевич, – вяло улыбнулась она, стараясь промокнуть носовым платком выступившие слезы.

– Татьяна Михайловна, вас главная обидела? – предположила Елена Андреевна.

– Сейчас я ей задам! – рванул я вперед, пытаюсь как можно быстрее достичь перевязочной, где бесчинствовала мадам Выжигина.

– Ой, доктор! Не надо! – взмолилась Татьяна Михайловна. – Еще хуже будет! Я вас очень прошу – не ругайтесь с ней!

– Да, доктор, – подхватила ее старшая сестра, – вам она ничего не сделает, а после на нас отыграется!

– Хорошо! – я остановился в трех шагах от перевязочной и повернул назад. – Только я все равно ЭТОГО так не оставлю. Пускай только генерал уедет.

Как оказалось впоследствии, Выжигина не на шутку взъелась на Татьяну Михайловну из-за крема для рук. Да, из-за обычного крема. У нее после работы с дезсредствами стала шелушиться кожа рук. Принесла из дома крем и положила его на стол рядом с различными журналами и тетрадями. Оказалось, что сей поступок, оказался тягчайшим воинским преступлением, лишь по чистой случайности не обнаружен высоким посетителем. Кто там и когда придумал, что держать на рабочем месте средства по уходу за кожей, подпорченной, кстати, на том самом месте агрессивными средами, не знаю. Но довести хорошего человека до слез довели.

Мои доводы, что нельзя так обращаться с людьми, были биты козырной фразой, которую я потом часто слышал из уст представителей министерства обороны: «Мы тут никого не держим! Не нравится – увольняйтесь!» И это при том, что очереди из желающих идти работать в госпиталь уж точно не наблюдалось. Сносить все эти военные приколы за весьма скромную зарплату отваживались не многие.

Итак, порядок в отделении восстановлен и, прямо скажу, выше всяких похвал, как, впрочем, и во всем остальном госпитале. Персонал, особенно младший и средний, поголовно в

слезах и с повышенным артериальным давлением. Начальство нервно переминается с ноги на ногу у ворот КПП. Остальные врачи с любопытством прилипли к окнам, выходящим в сторону КПП. Все ждут. И вот без пяти десять ворота КПП широко распахнулись, и через них важно и деловито проплыл «Мерседес» представительского класса с номерами Западного военного округа. Из него степенно вылез однозвездный генерал в новеньком мундире и фуражке с высокой тульей.

Волобуев, старательно впечатывая в не высохшие до конца лужи на асфальте начищенные до зеркального блеска форменные ботинки, строевым шагом, с подобострастным видом приблизился к генералу и, торжественно отдав честь, что-то громко забубнил. Генерал несколько удивился, оглянулся по сторонам и, тоже приложив правую ладонь к голове, с растерянным видом стал слушать доклад. После начальника госпиталя к пациенту с красными лампасами подрулил заместитель начальника госпиталя майор Горошина и, лихо, козырнув под надвинутую на самый лоб фуражку, открыл рот. Тут, похоже, генерал не выдержал, махнул рукой и, стараясь не наступить в лужу, молча прошел мимо оторопевших офицеров. Горошина так и остался стоять с приоткрытым ртом и с ладонью у виска.

Генерал в сопровождении Волобуева не спеша поднялся на третий этаж и, сняв у входа в хирургическое отделение фуражку, шагнул через дверь, угодливо приоткрытую начальником госпиталя. Все врачи и медсестры, работавшие в тот день в отделении, как было велено, выстроились у входа в длинный ряд. Тут же с натянутой улыбочкой замерла и Генриетта Самуиловна. Я, как учили, представился явно смутившемуся генералу, и пожал предложенную им руку. Рукопожатие оказалось довольно крепким.

– Волобуев, ты чего тут устроил, а?! – Сизоносов недружелюбно покосился на начальника госпиталя. – Что за маскарад?

– Так это, – замямлил наш руководитель, наливаясь на глазах красным цветом, – мы вас, как положено...

– Я, вообще-то, на прием к вашему хирургу приехал! – грубо перебил его генерал. – Вот, – он кивнул в мою сторону, – к Дмитрию Андреевичу, и как пациент, а не как проверяющий. Сохранишь тут с вами инкогнито. Из всего шоу устроят. Поди, весь госпиталь на ушах с утра стоит?!

– Э, э... – заблеял вконец растерявшийся служака.

– Товарищи, прошу всех разойтись по своим рабочим местам! – генерал повернулся к остальным участникам трагикомедии и впервые улыбнулся. – Занимайтесь своим делом! Не нужно на меня обращать внимание. А вы, подполковник, можете идти к себе. Спасибо, что проводили! Дмитрий Андреевич, где мы можем побеседовать?

– Прошу! Вот мой кабинет! – Я распахнул дверь, пропуская Сизоносова вперед.

– Дмитрий Андреевич, – зашептал пунцовый от страха Волобуев, как только генерал скрылся за порогом моего кабинета, – я на вас надеюсь! Не подведите уж!

– Марат Иванович, все будет хорошо!

– Ладно! Звоните, если что! – он трясущейся рукой вытер уже изрядно влажным носовым платком вспотевший лоб и почему-то на цыпочках вышел из хирургии, бережно закрыв за собой дверь.

Врачи и медсестры, похихикивая промеж себя, неспешно разошлись. В коридоре осталась одна растерявшаяся Выжигина. Было заметно, что она явно опешила и не знает, что делать дальше. Тут ее внимание привлек молоденький дневальный в новой больничной пижаме с белоснежным воротничком, соляным столбом торчавший неподалеку, и она буквально зашипела на него:

– Ты куда, бестолочь, от двери отошел?! Ты где сейчас должен находиться?

– На стуле, – явно смущенный парень кивнул на одинокий стул возле входа и уменьшился в размерах, согнув спину и втянув коротко стриженную голову в мягкий воротник госпитального халата.

– Вот сядь на стул и сиди там!

– Так это... Тут же все стояли, когда товарища генерала встречали, я и отошел в сторону.

– Ты мне еще поговори!

– Так, Генриетта Самуиловна, шли бы вы уже занимались своими непосредственными обязанностями. А тут и без вас разберемся! – Я сдвинул брови к переносице и недружелюбно покосился на главную сестру.

– Разберетесь вы! Как же! – забухтела Выжигина, полоснув по мне недовольным взглядом, но все же отстала от солдатики и с чувством собственного достоинства, степенно покачивая широкими бедрами, обтянутыми белоснежным халатом, направилась в сторону кабинета старшей медсестры отделения. Я же, ободряюще подмигнув дневальному, быстро вошел в свой кабинет.

Генерал Сизоносов, высокий, крепкого телосложения мужчина с грубым лицом, увенчанным мясистым, с красными прожилками носом, лучше всякой рекламы свидетельствующим о непростом отношении его владельца к горячительным напиткам, тяжелой поступью мерил кабинетное пространство.

– Неплохой у вас здесь вид, – со знанием дела кивнул генерал на широкое окно, где за толстыми прозрачными стеклами плескалась холодная Фонтанка, окольцованная Старо-Калинкиным мостом с возвышающимися на нем по краям знаменитыми гранитными башенками. По мосту деловито сновали разноцветные автомобили, а по пешеходной зоне степенно прогуливались одинокие прохожие.

– У вас, наверное, из кабинета тоже неплохой вид, – поддержал я разговор. – Ваш штаб, насколько я знаю, стоит на Дворцовой площади.

– Стоит-то он стоит, – грустно вздохнул генерал и отвернулся от окна. – Только окна моего кабинета смотрят во двор. А там, сами понимаете, ничего романтического. Однако давайте перейдем уже к основному вопросу, – деловито перевел он разговор в нужное русло, как-то бочком усаживаясь на ближайший от письменного стола мягкий стул. – Вот моя медицинская карточка, – протянул мне толстую тетрадь с записями обо всех посещениях врачей за годы службы собеседник. Из нее я узнал, что необычный пациент мой ровесник. Даже младше на месяц. Страдает несколькими несерьезными хроническими заболеваниями и в целом особых проблем со здоровьем не имеет.

– Слушаю? Что привело вас ко мне? – Я сел напротив и, не выпуская из рук амбулаторной карты, внимательно посмотрел на генерала. При этом его холеное, чуть подернутое сетью морщинок в уголках глаз лицо как-то чудно передернулось, словно от зубной боли.

– Не знаю, с чего начать, – замялся генерал, и отвел от меня взгляд. – Видите ли, – тут он принялся изучать свои ногти на правой руке, – как бы это... ммм. Ну, не знаю, как правильно вам сказать?

– Начните с начала, – улыбнувшись, я пришел ему на помощь и сделал вид, что внимательно изучаю его медицинскую карту, которую, к слову сказать, держал тогда вверх тормашками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.